

ХРОНИКИ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

КОСТИ И ЦВЕТЫ

Ярослав Заболотников

18+

Хроники семи королевств: Наследие

Ярослав Заболотников

**Хроники семи королевств:
Кости и цветы. Том 4**

«Автор»

2023

Заболотников Я. Г.

Хроники семи королевств: Кости и цветы. Том 4 /

Я. Г. Заболотников — «Автор», 2023 — (Хроники семи королевств: Наследие)

После ледяного севера Ардонэйзия кажется героям подарком судьбы. Солнечное тепло, цветущие луга и мирный люд. Но, как и положено, в каждой бочке мёда найдётся ложка дёгтя. И этой ложки может быть достаточно, чтобы залить радужные надежды чёрной краской. Особенно, когда делящих мир сторон больше, чем цветов на шахматной доске...

Ярослав Заболотников

Хроники семи королевств:

Кости и цветы. Том 4

Пролог

Фульгур жил на болоте. В самой низине. На поляне, где каждый шаг сопровождался звучным чавком земли. Ветхую хибару окружал забор из жердей, что уже сливался по цвету с замшелыми корягами. Сколько мужичок не налаживал быт, полчища комаров, жабы со змеями и плесень гостили дома ежедневно, а иногда порывались выжить самого хозяина. Тщетно. Собирая морошку в глуши, Фульгур набрёл на эту поляну много лет назад. Одного взгляда на неё хватило, чтобы понять: здесь нужно поселиться и как можно скорее. Нет, не из любви к пивкам или лягушачьему супу – причиной послужил царструс. Корнеплод, известный в простонародье как «драконий орех». Своё название он заслужил тем, что шанс его найти приблизительно равен шансу увидеть дракона. Удивительно редкое и крайне привередливое растение, за которым охотились все виверхэльские алхимики. Порошок из «орехов» поднимал на ноги даже безнадежно больных.

Разумеется, находились и те, кто пытался вырастить царструс на своей земле. И закапывали плод, и бережно пересаживали растение, и все необходимые условия создавали. Тень. Сырость. Болотный грунт. Итог же всегда был один: сгнивший «орех» или увядшие листья. Оттого стоил царструс неприлично дорого. Настолько, что за его пригоршню можно было разжиться лошадьё с плугом или... ножом в боку. Города полны завистливых глаз. Потому Фульгур сбывал урожай только днём, пряча себя за балахоном. Точно прокажённый. А после петлял по городу, избегая безлюдных переулков, пока не находил место, где можно сорвать маскировку и пойти дальше совершенно другим человеком.

Каждый год плодов всходило всё меньше. Зато пух мешок с золотом, надёжно прикопанный в подполе. Ещё немного, и можно будет оставить болото. Купить домишко на западе королевства да зажечь на широкую ногу. Мечты грели, словно очаг дождливым вечером. Но страхи... отравляли жизнь. Вдруг на заветную поляну выберется заблудившийся путник? Ненароком глянет за забор. Опознает в дутых листьях подземное сокровище. И что тогда?..

Сегодня осень подарила сухой денёк. Хоть и пасмурный. Фульгур решил потратить его на починку кровли, которая по зиме сулила провалиться под тяжестью снега. Сидя на крыше, возле охапок соломенного настила, мужичок умело укреплял подгнившую балку. Над ухом привычно звенели комары, когда где-то в лесу хрустнула ветка. Слишком явно. Будто кто-то наступил. Неужто шум беду приманил? Надо было всё на верёвках делать. Махать молотком – дурная затея. Стучать можно лишь зимой. Когда жизненно нужны дрова, а царструс крепко спит под белым покрывалом. Подальше от чужих глаз. А может, не шум? Может, вообще городские проныры выследили? Тогда прольётся кровь...

Фульгур крепче сжал молоток – взгляд забродил по трухлявому бору, голым кустам и сырой земле. Лучше б медведь на запах вяленой рыбы пришёл. С ним и то больше шансов договориться. Однако то был не зверь и даже не человек...

Мужичок с удивлением обнаружил возле себя чьи-то ноги. Прямо на крыше! Растерянный взор поднялся по тёмной одежде и замер на белевшем под капюшоном лице. Глаза незнакомца пылали раскалёнными углями. Пинок в грудь. Полёт. Падение в лужу у крыльца. Невзирая на пронзившую плечо боль, Фульгур потянулся за упавшим в грязь молотком. Но рядом снова возникли чужие сапоги. Следом шею окольцевала петля. Сдавила горло, и дом стал стремительно отдаляться. Вокруг замелькали стволы деревьев. Спина же пересчитывала болотные

кочки. Будто верёвку держал мчавшийся по лесу всадник. Пытаясь снять удавку, кряхтевший мужичок закинул голову назад, чтобы увидеть своего похитителя. Никакой лошади. Лишь тёмный силуэт, что бежал по чащобе со скоростью зверя.

Кожаная куртка скользила по земляной жиже. Намокшие штаны облизывали ноги холодом. Башмаки оставляли за собой виляющие полосы. Пока Фульгур старался расширить петлю, дабы высвободить голову, один из них слетел, зацепившись за какую-то корягу, – голая пятка тоже погрузилась в мерзкую прохладу, а вырванная из пальцев верёвка ещё сильнее стиснула шею. Сдавила горло до выползшего из груди хрипа. Попытка поддеть удавку успехом не увенчалась: закончилась треснувшим ногтем и расцарапанной кожей.

Над покрасневшим лицом пронеслись хвойные лапы. Однако испуганный взгляд был направлен дальше, в хмурое небо, серость которого постепенно меркла. Отяжелевшие веки впустили в разум темноту безысходности. Снаружи остался лишь затяжной шорох мокрой одежды, чавкающий бег не знавших усталости ног и хруст изредка ломаемых веток.

Внезапно симфонию угасающей души рассёк свист стрелы – всё резко остановилось... Крики испуганных ворон... Звук упавшей на землю верёвки... Грохот рухнувшего тела... Дрожащей рукой Фульгур стянул с себя ослабшую петлю, вскочил и без оглядки бросился бежать. Когда он пропал за хороводом сосенок, с подветренной стороны, из тени старой ели, выплыла женская фигура с лежавшим на плече арбалетом. Пепельные волосы. Незыблемо печальный лик. И от края до края затопленные мглой глаза, где тонким кольцом сияло оранжевое окаймление зрачка.

Нактарра приблизилась к труп, какой был мёртв задолго до угодившей в висок стали. Посмотрела на изборождённую трещинами бледную кожу, немигающий взгляд и приоткрытый рот, в сумраке которого белели два острых клыка.

Выдернутый из головы арбалетный болт – над зияющей раной взвилась струйка чёрного пара. Ещё один убитый вампир. Ещё одна спасённая жизнь. Самое время нанести на оружие девятую зарубку. Появившийся в руке нож сверкнул серостью небес. Лезвие коснулось деревянного приклада, и тут... мертвец вдруг схватил девушку за ногу! Сосредоточенный взгляд не покинул гладкого изгиба арбалета, где с каждым движением клинка ширилась ровная полоса. Лишь обрушенный сверху сапог вмял оскаленную пасть в затылок – мёртвая хватка ледяных пальцев ослабла, бледная рука сползла на сырую землю, а растресканная кожа осыпалась подобно облупившейся краске.

Говорят, мир изменился. Охотники судачат о чудовищах. Пророки предрекают конец света. И только один аристократ назвал происходящее эрой безграничных возможностей. Пока его слова больше всего похожи на правду. Когда в собственной груди больше не стучит сердце, а ухо слышит порхающего в миле мотылька, сомнения настолько малы, что уместятся на острие ножа. Но каким бы ни стал мир, в нём по-прежнему нет места тем, кто столетиями ублажает смерть чужой кровью.

Подняв взор к свинцовому небу, кучно истыканному пиками елей, Нактарра провела пальцем по свежей зарубке. Когда-нибудь гладкий приклад обрядится в ребристый узор. Линия к линии. Плотными рядами, куда уже никак не втиснуть привычную метку. Обозначит ли это конец возмездия? Нет. Узор начнёт становиться клетчатым. Ведь времени не существует...

Глава 1

Рвинкольт, старейший город Ардонэйзии, никогда не видел снега – круглогодично пестрил пышными клумбами. Сотнями клумб. Словно было мало, что вокруг его стен простирались вечно цветущие луга. Узкие улочки то и дело ныряли в высокие арки, с которых на плечи и головы всадников свисали яркие соцветия. Здесь давно никто не обращал на это внимания.

Двухэтажный дом Алана расположился на окраине столицы. Верхний этаж с шестью комнатами пустовал, но был нужен на случай, если идея с мастерской прогорит. Как-никак сбере-

жения не бесконечны, а гостиницы актуальны всегда. Сиди и в ус не дуй. Лишь ключи успевай выдавать. Ну, по крайней мере, так казалось.

Что Алану не казалось и не могло привидеться даже в страшном сне – это пришедший на порог мертвец. По совместительству колдун. Притом недобрый. Кто ж знал, что он – спасительная соломинка для угодивших в беду друзей, которые решили нагряться среди ночи. Такая внезапная и радостная встреча! Юнец все бока слежал на кровати прежде, чем дождался утра, чтобы начать пытаться вопросами отдохнувших гостей. К допросу же подготовился основательно: вооружился пирогами и узнал о себе много нового от поднятого ни свет ни заря пекаря. К мяснику соваться спозаранку было боязно.

– Ого. Это ж каких размеров тот волк?.. – тарачился на Рэксволда паренёк. – И кто больше: он или дракон?

– Дракон, – сидя на письменном столе, блестящий голым торсом ассасин откусил кусок пирога. – Хотя мы с Эрми и его думали завалить в случае чего. Но крылатая ящерица оказалась умнее. Больше не дерзила.

Слушая нескончаемые потоки бахвальства, Эрминия лишь вздохнула. Она вместе с Лайлой примостилась на узенькой скамейке у стены и лениво жевала выпечку. Вкусную, к слову. Сырный пирог с нектаром и миндаём.

– А расскажи, как Леонардо...

– Всё, – поморщился Рэксволд. – Хватит на пока рассказов. Язык уже сухой, как щель... – слово «храмовницы» сдержали ветхие рамки приличия, – ...под дверью кузницы.

– Так чаю хлебни, – Алан заботливо пододвинул кувшин с жасминово-липовым напитком.

– Перед выходом горло промочу... – ассасин посмотрел в распахнутое окно, за которым на залитой солнцем мостовой звенели подковы. – Где тут можно броню полегче найти? Не то у меня цыплята в штанах скоро зачирикают.

– Столица большая. Надо подумать...

– Я тоже хотела бы сменить меха на что-нибудь более изысканное, – Лайла пригубила кружку, оставив у лица шлейф цветочного аромата. – Или хотя бы удобное...

– Тебе-то зачем? – Рэксволд скосил глаза на девушек в расстёгнутых тулупах, а потом полноценно взглянул на вампиршу. – Ты ж вечно мёрзнешь, – улыбнулся он. – Рукава обрежь – самое то будет. Штаны можешь просто снять, я осуждать не стану.

– Замечательное предложение, – та изящным жестом посильнее запахнула тулуп. – Но я всё же потерплю: дождусь иных одеяний.

– Ты не боишься с такими шутками однажды не проснуться? – вошедший в холл Джон кивнул на слишком серьёзную Эрминию.

– Она привыкшая. Может, именно за них меня и полюбила.

– Ага... – неторопливо изрекла северянка, размышляя о том, как её только угораздило втюриться в такого весельчака. Бесшабашного. Буйного. Горделивого. И теперь до жути родного. Спасибо, что хоть мастерство воина не пропил.

– Так, – согнал хмурь со лба Алан. – Припомнил пару мест. «Бронева лавка» здесь, неподалёку, и «Витая роза» в южном квартале. Это кожевники. Есть ещё дом моды на главной площади. «Лилия» называется. И галантерея «Шик». Тоже в центре. Правда, сейчас, с этим вашим возвращением существ, цены везде ломовые.

– Нашёл чем пугать, – Рэксволд тронул висевший на груди банковский медальон и уж хотел было стянуть с шеи коротенький шарф, но потом вспомнил про спрятанный под ним небольшой секрет.

– Нам бы всем приодеться... – хоть мощный торс Джона и смотрелся хорошо, щеголять так на людях он находил неприличным.

– Всем? Ушастому тоже? Я в няньки не нанимался. И вообще у него нет денег. Научите его дворы мести или навоз выгребать. Полезнее будет.

– Рэкс, – после вдоха сказала Лайла. – Шойсу спас мне жизнь. Не остался в стороне и на арене. Сам же видел. Разве этого мало? Ты обучал Эрми эльтаронскому и виверхэльскому, так помоги преодолеть языковой барьер. А чтобы его бедность тебя не смущала, относись к нему как к погорельцу, какому судьба оставила лишь пару вещей.

– Угу... Погорелец-Уголёк...

– Я серьёзно. Никто не взваливает эту ношу исключительно на тебя. Справимся сообща.

– Н-да... Где он вообще? Всё спит? – карий взор взмыл к потолку. – Или уже сбежал через окно?

– Ручаюсь, что всё ещё здесь. За ним Скарги приглядывает. В невидимости.

– Радость-то какая... – проворчал ассасин, который даже окно приоткрыл перед уходом.

– Э-э-э... – заёрзал на табуретке Алан. – Скарги ещё и невидимым может быть? Я и так второй раз за ночь чуть со страху не помер, когда он в дом залетел. После знакомства крылатик уже вроде как не пугает, но если вдруг из ниоткуда вылезет...

– Не волнуйся... – начала было Лайла.

– Да поздно уже, – перебил её Рэксволд. – Ты, главное, не оборачивайся, – он залпом осушил кружку и пошёл на выход.

– Нет там никого, – буркнула Эрминия.

Однако Алан решил убедиться лично – в углу, на ящике, стоял лишь таз с замоченной одеждой. Знал бы юнец о гостях заранее, оставил бы девушкам рубашки. Всё лучше грязных тулупов, где мех местами был всклокочен, как у дохлой собаки. А вот на Рэксволда он бы с удовольствием нацепил что-нибудь помокрее.

* * *

Лайла стояла на улице под кустом робинии, увешанным розово-белыми соцветиями, и смотрела на город. Озарённые солнцем трёхэтажные дома. Пропитанный благоуханием ветер. Пёстрые клумбы в каменных сферах на каждом углу и треугольные горшки на перилах балконов. Цветы здесь были в почёте. А потому цвели и люди. Улыбались, смеялись, слепили взор яркими ткаными одеяниями. Даже у стражников, сверкавших серебристыми кольчугами, «хауберками», как назвал их Джон, спины укрывали лёгкие сиреневые плащи. Не город, а мечта. Особенно после севера, где каждый встречный норовит метнуть в тебя топор. Однако не всё было так радужно. Над гамом улицы взмыла мрачная, протяжная речь:

– Боженья выслали на нас кару! Суровую и неизбежную! Растиснули узы чудовищ сдерживаемые, – вещал ковылявший в коричневой рясе бородатый мужчина. – Мы должны сплотиться и взнести ношу на плечи ложиму! Храмовы дверницы раскрыты по закат! Приходите! Покуда вы живы, покуда сердце стучает – выбор за искуплением!

Ардонэйзийский язык мало отличался от эльтаронского или рорхского. Искажённые слова быстро обретали смысл, заполняя пустоты восприятия. Хотя Лайла и без того признала бы местного проповедника. Мало кто станет носить на груди толстую цепь с амулетом в виде окаймлённой кругом воронки и уж тем более потрясать им перед прохожими.

– Не обращай внимания, – подошёл к вампирше Алан. – Храмовники вопят с утра до вечера. С первого дня всей этой чертовщины. Почти без толку.

– Неужели никто не ищет утешения?

– После того как одного из них лесные твари по полям растащили? – юнец нервно усмехнулся. – Нет, в богов веры мало. Здесь, за стенами, пока безопасно. Но не благодаря молитвам. Стража держит ухо востро, а всякий, кто мечом махать умеет, в наёмники подался. Цены у кузнецов скачут, как мячи у детворы. Только падать не умеют. Нож по цене козы, как тебе такое?

– Звучит скверно, – Лайла встретила взглядом с пареньком. – А как твои дела?

Тот почесал лохматую макушку:

– Да я, сказать по-честному, лишь обустроился... Пока мелочёвкой всякой занимаюсь. Раз люди трясутся над своими пожитками, надо зарабатывать репутацию. Но сегодня у меня выходной! – спешно заверил Алан и широко улыбнулся. – Такая встреча! Хочу показать вам столицу, обусть, одеть, накормить. Как у нас говорят: «Всё, чаго душа пожелавствует».

– Спасибо, – ответила улыбкой Лайла. – Вчера ночью я поняла: после хладности севера нет ничего приятней дружеских объятий, – она приобняла юнца, осторожно, чтобы не поранить шипами на рукавах.

– Ну ты это... Смущаешь... – лицо того выкрасилось в цвет помидора. – Вон все глазают...

– Будешь ворчать ещё и поцелую, – она легонько щёлкнула Алана по носу, а потом, мягко отстранившись, поправила полурасстёгнутый тулуп. – Вчера ты был менее застенчивым.

– Ещё бы. После того как чуть не умер со страху. Дважды.

– Однако сейчас мефит на моём плече тебя не волнует?

– Он что, здесь?.. – уставился на приплюснутый мех паренёк. – Ой...

– Не слушай Рэксволда. Скарги безобидный. Для друзей.

– И как я узнаю, что он со мной дружит?

– Легко. Не пойми кого, я не обнимаю. А мои друзья – его друзья.

– Ну ладно. Хоть немного успокоила меня... О. Вот что хотел спросить, – прищурившись от солнца, Алан бросил взгляд на мастерскую и продолжил вполголоса: – Шойсу... Он впрямь из иного мира?

– Не исключено, – Лайла возвела взор к белоснежным облакам на голубом небе. – Нам ничего о нём не известно, кроме воинственного нрава и принадлежности к другому народу. Мы приглядываем за ним по возможности, но оставаться с ним наедине я тебе не советую.

– Понял... – от внезапно серьёзного лица девушки, юнец аж поёжился.

Позади послышались голоса – из дома вышел остроухий в сопровождении остальных.

Лайла сразу же обернулась:

– Что-то вы дол... го...

Голову Шойсу на уровне глаз опоясывала сетчатая повязка. Она была сделана из какой-то ветоши, о чём свидетельствовали свисавшие на щёки нитки.

– Что с ним?..

– Что с ним? – передразнил Рэксволд и следом злобно выпалил: – Твой «погорелец» полгода топтался у окна, а потом упёрся рогом, что никуда не пойдёт, пока не сваял себе вот эту лабуду из половой тряпки. Я особо не возражал. Жаль, в уборной ничего не нашлось. Не то бы выдал.

– Слишком яркий свет, – догадалась вампирша. – По-видимому, у него проблемы со зрением.

– С головой у него проблемы... – покосившись на небо, буркнул ассасин. – Скотина слепешарая...

– Если что, он при оружии, – предупредил Джон, ёрзая торсом в жарком тулупе. – Можно, конечно, забрать, но доверия это к нам не добавит.

– Не надо, – Эрминия поправила распущенные волосы, обрамлявшие лицо двумя золотыми водопадами. – Я прослежу, чтобы наруч остался на левой руке. И сломаю её к чёрту, если клинок без повода выпустит. А так под одеждой не видно, и ладно.

– А коли стражники останоят, что насчёт него скажем? – осведомился Джон.

– На ходу об этом подумаем. Всё, почапали уже, – шагнул вперёд Рэксволд. – Где тут банк?

И повёл Алан обряженную в меха компанию по улочкам города. На фоне легко одетых прохожих, порхавших в лучах солнца, как певчие птицы, странники больше походили на неторопливых, нахохлившихся филинов. Особенно ассасин, который был бы рад зашвырнуть душистый тулуп куда подальше да похвастать рельефным торсом, но пиратское прошлое с кожи не свести, а стражи кругом слонялось предостаточно.

Сперва на лохматые северные одёжки таращились горожане. Потом эстафету переняли банкиры. Эти удивились даже дважды: вошедшему в холёные залы грязному отребью и... размеру их счетов. Лишь тогда под выпученными глазами прорезались улыбки.

Вскоре здание с колоннами осталось позади – с поясами, приятно отягощёнными дутыми мешочками, странники добрались до кожевника. Лавкой, представлявшей из себя два небольших спаянных узким проходом зала, заправлял кривоносый усач средних лет.

– Налёвывай доверху, така духотень стоит, – буркнул он на мальчугана с кувшином, вяло отмахнувшись от мухи и кинул взгляд на переступивших порог. – Чаго б вам не надати, делов выше крыши. Захаживайте через недюлю.

– Ты это... усы в кружку мокни... да глаза разуй, – недобро изрёк обливавшийся потом Рэксволд – на застеленный дублёной кожей стол, за которым трудилось три подмастерья, бухнулся звенящий мешок. – Аль я зря сюда пёрся?

Кривой нос со свистом потянул воздух, словно запах позволял лучше изучить наглеца:

– Гаймот, открой-ка мешню.

Конопатый парнишка высыпал на стол несколько десятков золотых.

– Гм... Допустыма... – строгий взор изучал гостей, особо задержавшись на темнокожем. – И чаго надать?

– Ну вот. Другой разговор... – усмехнулся Рэксволд. – Жаждем поутру броню новую примерить. Чтоб как родная сидела. Говорят, тебе такое по силам. А ещё говорят, ты шустрый на руку. И помощников у тебя поболее, чем сосков у свиньи. Как насчёт долгой ночки... под звон монет и звуки строчки?

– Никаги ко минэ стихоплётца занысло? – усач утопил ухмылку в кружке и поднял вилку широко расставленных пальцев. – Тры дня.

– Ассасина, – Рэксволд метнул кинжал в дощатую стену, пригвоздив сидевшую там муху. – Ночь.

Спокойный тон кареглазого не терпел возражений. Кожевник поглядел на муху, вытер усы, почесал за ухом:

– Свистну всех парней, – перешёл он на эльтаронский, – если за час объясните что надо и каждый сразу всю сумму вывалит.

– Идёт, – Рэксволд окинул друзей победоносным взором. – Начнём с меня.

– Не вопрос, – на прилавок шлёпнулся альбом для зарисовок. – Любой каприз за ваши деньги.

Ассасин сегодня был в ударе. Чувствовал людей, как волк – добычу, и ни разу не ошибся. Сразу после кожевника удалось выбить место в плотном графике кузнеца, а после вкрутить срочный заказ в доме моды. Очень уж понравилась заинтригованной мадам история про пережившего удар молнии бедуина, у какого уцелели лишь глаза, отчего тот теперь прячет их за шторкой. Впрочем, не только ей: сдерживавшая смех служанка аж мерную ленту выронила. Хоть Шойсу и не понял причины их веселья, Лайла таких шуток не одобряла. Однако своё мнение оставила при себе: всё-таки пошив платья был затеян ради неё.

Чтобы разнообразить нудные походы по лавкам, Алан провёл странников через главную площадь, где высилась Стела Значимости. Стоявшие крестом заострённые плиты напоминали наконечник стрелы. Однако стела не имела никакого отношения к воинской славе. Каждая плита несла на себе имена людей и их вклад в развитие королевства. Архитекторы. Целители.

Агрономы. Нашлось место даже паре кулинаров. Так Лайла узнала, что отведаанный сегодня пирог – национальное блюдо, впервые испечённое триста девять лет назад.

Алан бы ещё много чего показал. И Рвинкольтский Сад у королевского дворца, и Аллею Доблести со статуями полководцев, и танцующие по вечерам фонтаны. Но с приходом полудня гулять в тулупах стало совсем некомфортно, а с солнцем шутки плохи. Алана самого на досуге пригрело так, что рогатая девка причудилась и лоб с мостовой встретился. Оно и понятно: надо поменьше страшных рассказней слушать да голову укрывать. И это осень. Летом без влажной рубахи на улицу можно даже не выходить.

* * *

После городской духоты живительная прохлада мастерской свежила, словно морской бриз. Однако Лайле прогулка понравилась. Пусть в основном и по делам. Спешить не имело смысла. Ведь никто не знал, где искать затерянную в лесах крепость. Следовало дожидаться Леонардо. Тогда будет известно направление, а может – и точное место. Вероятно, он явится на днях. Или раньше. Слишком уж большие надежды возлагал на эксперимент, в котором волея-неволей придётся поучаствовать: сделка есть сделка. Пока же нужно подготовиться к путешествию и, если повезёт, посмотреть местные достопримечательности. Всё лучше, чем просто ждать. Бесцельное времяпровождение плодило лишь мрачные мысли. Особенно в одиночестве. Раз Алан был категорически против переезда друзей в гостиницу, впору выказать благодарность помощью по хозяйству. А начать с закутка, где ночевал Бамбук. Хоть Джон и пошёл переставлять его в ближайшую конюшню, чище там не стало.

Рэксволд, вновь блиставший голым торсом, оглянулся на прошедшую мимо Лайлу.

– Эльтаронская королева. В грондэнаркской броне. Вооружённая веником и совком.

– Очень смешно, – невозмутимо сказала та и скрылась за поворотом коридора.

– Ну, такое не каждый день увидишь... – брошенную вдогонку фразу разъял кашель.

Ассасин коснулся губ – на пальцах алела кровь. Услышав шаги на каменной лестнице, он быстро вытер руку о штаны:

– А, Эрми... А этот где?

– Что, соскучился? – воительница спустилась в холл и пнула стоявшую в углу бочку. – Пойду воды натаскаю. Перед тем как влезть в новую броню, хочу смыть с себя всё, что касается севера.

Рэксволд вздохнул:

– Ну пойдём... Потаскаем... – он поднял взор к потолку и крикнул: – Эй, Шойсу! Айда вниз! Броню обрабатывать будешь!

* * *

К вечеру Алан хотел порадовать гостей похлёбкой с чесночными фрикадельками. К моменту, когда он выбрался из погреба с ящиком овощей, в холле, у стены, стояло уже пять бочек, к которым совершалось настоящее паломничество: его друзья с тяжёлыми вёдрами сновали через подпёртые камнями двери.

– Э-э-э... Вы чего?.. – юнец придерживал подбородком сладкий перец: вершину овощной горки.

– Самая деятельная взяла всех в оборот, – проворчал Рэксволд, выливая ведро в полупустую бочку. – Нос, видимо, оттаял окончательно. Обоняние прорезалось.

– А как ты хотел? – вошла в дом Лайла. – Одной ограничиться? Ты липкий, как паутина.

– Ну не тебе ж ко мне липнуть, – вяло усмехнулся тот. – Эрми не жалуется.

– Она не лучше. Из всех нас не потею лишь я и то считаю необходимым привести себя в порядок. Тем более до колодца рукой подать. Как и до лавки бондаря.

– Подумаешь, кровь северян в сапогах запрела... – ассасин побрёл к выходу, где только что пропала спина Джона. – В жизни нужно попробовать всё... У тебя даже вшей никогда не было...

– И не будет, – отрезала Лайла, опустошая ведро.

– Ясно... – посмотрев на переступившего порог Шойсу, белые волосы которого местами слиплись в сосульки, Алан тенью утёк на кухню.

Он сам последний раз мылся лишь по приезду в столицу. А потом столько дел навалилось. Придётся сегодня ополоснуться. Не то притопят. Определённо.

* * *

Закутанная в простыню Лайла стояла у окна. Глядела, как внизу, по улице, в вечерних лучах солнца прогуливаются прохожие. Наслаждалась благоухающим ветерком. Слушала, как щебечут скачущие по крышам птицы. В их мелодичное пение вклинился сухой скрип. Заложив за ухо сырую прядь, вампирша оглянулась на вошедшего в комнату Джона, что выжимал чёрные лохмы мокрых волос.

– Наверное, это прозвучит непатриотично, но мне здесь нравится, – улыбнулась она.

– Сложно не согласиться. Хотя тебе надо побывать на севере Эльтарона. Там тоже много цветов и изрядно теплее. Не Ардонэйзия, конечно, но всё же.

– Севере... Одно это слово ввергает меня в ужас.

Следопыт откинул волосы назад, приблизился к Лайле и обнял её:

– Всё закончилось... Никаких ледяных озёр. Никакого снега. Теперь нас ждут насыщенные заботами солнечные деньки и, – он скосил глаза на полуторную кровать, – жёсткая койка по ночам. Судя по всему, Алан прикупил чью-то попытку устроить гостиницу. Немудрено, что с такими кроватями она прогорела. Просто пыточная для боков. На фоне этого и земля периной покажется. Ну вот. Ты улыбаешься. Уже хорошо. Сказать по правде, засни я вчера на битых стёклах, не заметил бы. Кстати, как прошло купание в холодной воде?

Лайла вновь посмотрела на прыгавших по крышам пёстрых птиц:

– Девушке из высшего света не пристало выражать эмоции такими словами.

– Понятно, – усмехнулся Джон.

– Все пошли отдыхать?

– Да. Разбрелись по комнатам. Рэксволд что-то там наутро опять придумал. Затейник неумный.

– Значит, пока мы предоставлены сами себе... – задумчиво констатировала вампирша. – А дверь на крючок ты закрыл? – она чуть попятилась: прижалась изящными формами к окутанному полотенцем мускулистым ногам.

– Ты не поверишь... – Джон нежно отодвинул каштановые локоны с её виска и прошептал на ухо: – Даже кровать на дюйм от стены отодвинул. Ещё перед уходом.

– Какая самоуверенность... – игриво заметила Лайла.

– Ну так. Меня выбрала прекрасная принцесса. А сейчас подле меня стоит сама королева. Если я хочу соответствовать, сомнения неуместны.

Встретившиеся взгляды. Страстный поцелуй. Вслепую закрытое окно. Осадок от того, что произошло в горячих источниках, присутствовал. Правда, почти незримо. Подобному лучше остаться пылью на душе, чем саднящим песком на языке, а потом и хлёсткими камнями, брошенными в лицо Любви.

* * *

Эрминия лежала на кровати. Подпирала взглядом потолочную балку. Стоило забыть и почесать бок – здравствуй, напоминание о проклятом севере: болезненные обрубки вместо мизинца и безымянного пальца. Такой рукой не то что меч сжимать, жалкий перец держать неудобно. Предложенная Алану помощь из мерной резки овощей превратилась в остервенелое кромсание, да такое громкое, что мывший морковь юнец стал коситься на нож. Пришлось завести разговор. Разрядить обстановку скупой шуткой. Верный способ избавить человека от тревог. Правда, некоторые собеседники Эрминии по итогу становились немногословными: с перерезанным горлом особо не поговоришь. Этого Алану знать необязательно.

Взор сполз с потолка на стену. Скорее бы наступил завтрашний день. Очень уж хочется проверить на зуб слова кузнеца, который, увидев обрубки, предложил выковать для них какие-то насадки. Пока, с тремя целыми пальцами, достаточно обманного выпада с вращением, чтобы меч оказался на земле. Не получится восстановить полный хват, придётся забыть про парные клинки. Или разменять их на лук: три пальца – как раз тетиву отпускать. Хотя для обладательницы врождённой двуправорукости оба варианта выглядели паскудно.

В комнату вошёл мокрый Рэкволд. Из всей одежды – полотенце на бёдрах и затасканный шарф на шее.

– Ух-Нод? – Эрминия вновь упёрла взгляд в потолок. – Или раньше?

Отпираться не имело смысла – ассасин стянул шарф, обнажив две багровые точки.

– Ух-Нод... Ей это было нужно. Почти заставил.

– Хорошо держишься... С твоей-то неприязнью к нашейному тряпью.

– Ага, – Рэкволд кивнул на приоткрытую дверь. – Мыться идёшь? Могу составить компанию. В бочке хватит места и для двоих. Алана всё равно сдёрнули по каким-то там петлям. Судя по его страдальческому лицу, вернётся он не скоро.

– Тебя так возбуждает моя сальная башка? – Эрминия села, свесив ноги на пол. – Или огрызки вместо пальцев?

– Грязные ногти, – по губам растеклась ехидная улыбка. – Ты ж знаешь, чёрный – мой любимый цвет.

Северянка смерила Рэкволда оценивающим взглядом. Встала с кровати. Неторопливо приблизилась.

– Если услышу хоть одну шутку про материнство, им-то тебе его и отрежу, – она развернулась, отбросила волосы за спину, почти в лицо ассасину, да пошла на выход. – Тряпье на шею накинь.

Рэкволд опустил взор на своё бедро, где сквозь полотенце прослеживалась чуть заметная полоска: ремень от застёгнутых позади кинжальных ножен.

– Не баба – чистое пламя...

* * *

Шойсу стоял у окна отведённой ему комнаты и смотрел на тонущий в закате город. Осторожно. Из-за откоса. Словно в любой момент стекло могла пробить влетевшая в дом стрела.

Это вовсе не грот. Надземелье. Оно существовало. Никак иначе не объяснить такое количество светлокожих, ослепительную яркость свода и диковинные растения, среди которых не было ни единого гриба. Надземелье. Скучный миф стал шокирующей реальностью. Если так, то глубоко под толщей земли его народ веками стачивает кирки о Дарнирову Кору и борется за выживание в мрачных лабиринтах пещер... пока другие едят ароматную пищу, вальяжно прогуливаясь без оружия и брони.

Новые спутники гостеприимны. Судя по всему, даже богаты, раз вздумали одеть. Ещё и предпочтения выясняли. Вот только не доверяют: на пыльном шкафу обнаружили отпе-

чатки маленьких лап. Возможно, даже сейчас крылатая зверюшка наблюдает из невидимости. Хорошо, хоть мысли читать не умеет.

В последнем Шойсу нисколько не сомневался. Иначе бы его давно убили...

* * *

Худощавое телосложение. Осунувшееся лицо. И вечно испачканная землёй одежда. Так выглядел городской могильщик. Ещё одной дугой на лице, помимо налобной морщины и кругов под глазами, было кольцо в носу. Из-за него мужчину за спиной называли «бычарой Флогги». Те, кто покрепче и поглубже, кидались насмешливым прозвищем прямо в открытую. Могильщик же лишь улыбался. Ни злобы. Ни обиды. Зачем? Когда твоими усилиями тёмными ночами пропадают люди, а ты безнаказанно разгуливаешь на свободе, злые языки только забавят. Никто бы и не подумал, что Флогги – покорный перст длани смерти. Наёмный убийца из «Апофеоза». Притом крайне внимательный. Златовласую северянку, приехавшую из Виверх-эля, запомнил хорошо. А увидев её в столице, лишь неспешно облизал губу и коснулся кончиком языка медного кольца. С такой наградой за голову хмурая бестия всё ещё не в могиле. Это ненадолго.

Глава 2

Утро постучалось кулаком в дверь. И не единожды – трижды. Каждый раз новой рукой. Тащиться в грязных мехах после помывки никому не хотелось, а отправлять Алана – совсем уж бессовестно. Потому пара лишних золотых, и с наступлением зари к мастерской, словно пчёлки к улью, стали слетаться посыльные. Пока на столе остывал приготовленный юнцом завтрак, огромная яичница с вяленным мясом, странники облачались в новые одежды.

Первым со второго этажа спустился Рэксволд в чернильно-чёрной кожаной броне. Рельефный нагрудник с боковыми ремнями. Лёгкие клёпаные штаны. Высокие сапоги. За спиной тканый капюшон. Казалось, ассасин не изменил своему стилю. Разве что шипы добавились. Как у розы, только стальные. По одиночному ряду на голенищах, наручах и наплечниках. Грозную картину довершали четыре кинжала: в ножнах на поясе и на бёдрах. Два из них Алан узнал. По наверхиям с выгравированными змеями.

– Ну, как тебе?

– Круто... – хлопнул в ладоши радостный юнец.

– Ага. Придаться не к чему. Знают своё дело.

Чуть позже по лестнице грациозно сошла Лайла. В тёмно-зелёном облегающем платье. Глубокое декольте украшал золотой кулон в виде цветущей розы. Из-под длинного рукава выглядывал плетёный браслет, а из-под подола – носы коричневых сапожек. Талию же обхватывал кожаный ремешок с латунной пряжкой в форме листика. Выбранные тона вторили изумрудным глазам и удачно сочетались с каштановыми волосами, свободно ниспадавшими по изящным плечам. Сама весна.

– Хотя на аристократку теперь похожа, – улыбнулся Рэксволд.

– Благодарю... – пробуя на вкус комплимент, ответила Лайла. – И гадости никакой не добавишь?

– Сегодня воздержусь... О. А вот и Эрми.

В холл вошла северянка. Всё так же без косы, с распущенными, местами спутанными волосами. Она предпочла кожаную броню: мелкую плетёнку, укреплённую толстыми кольцами, что грубо стягивали тугие ремни. Нагрудник, штаны, высокие сапоги – всё цвета земли. Эрминия выглядела строго. Как горгулья на храмовой башне. Только вместо сложенных крыльев из-за плеч выступали рукояти мечей.

– Как, работает? – поинтересовался Рэксволд.

Северянка подняла покалеченную руку. На среднем пальце было широкое кольцо, а на двух соседних – стальные насадки. Все три элемента соединяли блестящие перемычки. Однако... кулак сжался полностью: вместе с искусственными пальцами.

– Привыкну.

Вскоре спустился Джон. Терракотовая кираса с клёпками в виде приплюснутых пирамидок. Тёмные штаны, представлявшие из себя крупную кожаную чешую. Грубые наручи. Массивные сапоги. Под стать хозяину. Оружие следопыт оставил в комнате, хотя, по невысказанным наблюдениям юнца, с такими кулаками оно и не нужно.

– Однако... – уста Джона тронула добрая улыбка. – Как неотразимы наши девушки.

– Ага. Тоже боюсь косоглазие развить, – согласился ассасин.

Приодетые друзья смотрелись впечатляюще. Особенно все вместе. Словно герои сказаний. Впрочем, «словно» – лишнее. Они и есть герои! От вчерашних историй аж дух захватывало. Окинув себя взглядом, Алан испытал неловкость. Тут даже свежая рубашка не спасала. Про драные мешковатые штаны и говорить не стоило.

– Ну и? Может, выдвинем его, сядем да пожрём как люди? – Рэкволд кивнул на стоявший у окна стол. – Или опять кто где рассядемся?

– Надо бы, – одобрил идею Джон. – Тогда вшестером поместимся. Лавку только подтащить и вон тот ящик.

– А, ну да, ещё этот... – проворчал ассасин. – Н-да, правду говорят: счастье в неведении... – на лестнице за спиной раздались шаги. – Слышу. Прётся...

С молчаливого камня ступеней на скрипучие половицы сошёл Шойсу. Его ботинки и плотные штаны ничем особенным не выделялись, а вот куртка... наполовину обрезанная по диагонали, защищала только правую сторону. Живот и левый бок был оголён. Рука – тоже. На ней поблёскивал лишь наруч с выкидным клинком. Цвет новой одежды – графитовый. Как сырая мостовая.

Рэкволд скептически посмотрел на мышечный рельеф тёмного пресса:

– До первой стрелы... Хотя... скучать не буду.

А вот Лайла не сомневалась: остроухий иномирец отчётливо понимал, что делает. В лавке она пододвинула к нему альбом с эскизами. В ответ были продемонстрированы пустые руки. Пришлось показать неторопливый жест дарения. Немного подумав, Шойсу начал листать альбом и даже что-то чертить угольным карандашом на чистом пергаменте. Это натолкнуло вампиру на кое-какую мысль. Но сперва – трапеза.

Она мерно шла за разговорами, пока на краю стола не появился Скарги. Ему тоже перепало угощение: полоска вяленого мяса. Перепорхнув к Лайле на плечо, он грыз её с нескрываемым удовольствием, чем приковал к себе взгляды завтракающих.

– Я думал, огненные мефиты щепками питаются... – усмехнулся уминавший яичницу ассасин.

– Отчасти, – Лайла взяла кусочек ржаного хлеба с деревянного подноса. – Травы, кора, фрукты, орехи. Жирное и сладкое им можно лишь в небольших количествах. Потому получают они его с дозволения хозяина. В качестве поощрения.

– Уверена? – проговорила с набитым ртом Эрминия. – Что мешает ему мышей или воробьёв втихаря жрать? Такой и сокола небось подобьёт.

– Дисциплина. В отсутствие Дельвинуса он исполняет исключительно мою волю.

– Да ну? – осклабился Рэкволд. – А давай поспорим, что он возьмёт у меня вяленое мясо, наплевав на запрет? Если нет – я за час организую тебе экскурсию по столице. Но если да, мы сыграем в игру «кто больше выпьет». И я не позволю тебе сдать в начале. Так как, проверим?

– Ты проиграешь, – спокойно ответила Лайла.

– Ясно. Струсил. Эх...

– Хорошо, – вампириша улыбнулась. – Я согласна. Давай проверим. Даже команд давать не буду. Приступай.

– Во, другое дело! – повеселел Рэксволд. Он вытащил из яичницы аппетитный кусочек, встал и приблизился к Скарги. – Держи.

Мефит облизнулся.

– Да ты не стесняйся. Вкуснятина же. Смотри, – ассасин с наслаждением обнюхал предлагаемую еду и снова протянул руку. – Бери.

Скарги затоптался на плече. Почесал когтистой лапкой рогатую головёнку. А затем вдруг развернулся к дарителю спиной да уселся, недовольно подрыгивая хвостом. Даже уши от досады развесил.

– Какой послушный, – усмехнулся Джон.

– Несчастный... – увидел ситуацию под другим углом Алан.

– Я ведь предупреждала... За час, говоришь? – снова улыбнулась Лайла.

– Вот же ж... гадость крылатая. Не получишь ничего, значит! – Рэксволд закинул мясо себе в рот. – Ладно... – он угрюмо посмотрел на северянку. – Пойдём, Эрми. Поможешь маленько.

– Обещаешь – ты, расхлёбываем – мы. Старо как мир. Уже оскомину набило... – та смерила возлюбленного испытующим взором и закатила глаза. – Ох... Должен будешь. Пошли.

Пара быстро покинула мастерскую, а Лайла поглядела на Шойсу, который весь завтрак невозмутимо наблюдал за происходящим. Даже сквозь грозовую хмурость Эрминии иногда прорезалась улыбка. А этот... кремень. Неужели в мире, откуда он родом, все такие? Настало время для ответов. Хотя бы части. Щепотка в руке лучше горы в мыслях.

– Говорила вчера, скажу и сегодня, – вампириша перевела взгляд на Алана, – готовишь ты превосходно.

– Ну... не то чтобы прям превосходно... – юнец составлял тарелки в корыто с водой.

– Станешь спорить с избалованной изысками королевской кухни?

– Спасибо... – стеснительно улыбнулся тот. – Было время... подрабатывал на постоялом дворе. Помогал блюдоделу. Видать, чему-то научился.

– Закажи замок – пирожок в подарок. Кажется, неплохая идея, – добрая усмешка Джона окунулась в кружку.

– Пока заказов хватает. К обеду надо дверь у лепчего починить. Очень уж за горшки свои переживает. А вечером обещался к медовару заскочить. Второй замок на калитку присобачить. Вроде пасека недалеко, но за ворота города выходить страшновато. Сами знаете, смелости у меня, как золота у бродяги.

– Не беда. Дорогу покажешь – домчу тебя на Бамбуке.

– Видно будет, – немного загадочно ответил юнец.

Следопыт завёл с ним разговор о сортах мёда. Лайла же ссадила мефита у очага, посетила второй этаж и вернулась не с пустыми руками. Подсев к скучавшему Шойсу, она выложила на стол пергамент и карандаш. А затем принялась рисовать, надеясь привлечь внимание. Простенки набросок людей был помещён в дом, вокруг которого разрослись городские строения и клумбы. Всё в узнаваемом ардонэйзийском стиле. Начертив в углу солнце, она отложила карандаш и поймала заинтересованный взор бирюзовых глаз.

– Я... – Лайла указала на себя и на одного из человечков. – Ты... – её палец коснулся Шойсу и приземлился на второго. – Дом... – руки описали круги по простору помещения, после чего упали в центр рисунка. – Мир... – ладони растеклись по всему пергаменту. – Мой мир... – палец вновь уткнулся в зелёное платье.

Джоном с Аланом притихли, внимательно наблюдая за реакцией остроухого.

– Мiiг? – тот посмотрел в окно, где по мостовой навстречу утру брели прохожие.

– Мир, – кивнула Лайла и в третий раз коснулась груди: – Мой мир... – затем указала на собеседника, перевернула пергамент чистой стороной и пододвинула вместе с карандашом. – Твой мир?

Шойсу обвёл всех недобрым взглядом. Словно пёс, заподозривший незнакомцев в желании отнять пожеванную кость. Не миновал сей участи даже Скарги, который, не следя за двумя ногами, заинтересованно обнюхивал грязную сковороду.

И всё же темнокожий взял карандаш. Уронил взор на пергамент. По ровной поверхности стали расползаться линии. Короткие. Длинные. Изогнутые. Сперва Лайла увидела набросок оскала, однако чуть позже признала в верхних зигзагах сталактиты. Пещера. Вот и похожие на грибы закорючки. По всей видимости, она была гигантской. В разы больше выведенной посередине крепости. С одними воротами и сотней изображённых точками окон.

– Sheen`soz, – с шипящим акцентом произнёс Шойсу.

– Это... подземелье? – Лайла указала пальцем на половицы.

Остроухий встал, подошёл к стене и, приложив к ней рисунок девушки, вознёс его к потолку:

– Naz`kus, – он перевернул пергамент, а затем резко спустил свой набросок к полу. – Sheen`soz.

– Похоже, ты угадала... – сидевший за столом Джон смотрел, как Шойсу усаживается обратно.

– У нас под ногами подземный город?.. – Алан нервно почесал плечо. – Ну вот. Мне теперь в погреб боязно спускаться.

– Невозможно... – качнула головой Лайла. – Если бы под землёй жил темнокожий народ с острыми ушами, мы бы об этом давно знали. Даже Леонардо назвал его путешественником между мирами.

– Тут такое дело... – следопыт неспешно вертел пальцами кружку. – До недавнего времени я тоже ничего не знал о магии, драконах и прочем... Вдруг не только четыре столетия могут отсечь правду...

– Ты о земной толще?

– О ней самой. И страшно подумать, какой она должна быть, чтобы подобная тайна до сих пор не выбралась на поверхность.

– Звучит как... теория, – Лайла поглядела на Шойсу, чей непоколебимый взор гулял между присутствующими. – Я обязательно задам этот вопрос Леонардо.

* * *

На кладбище, окружённом высоким каменным забором, стояла тишина. Изредка её нарушали мелодичные трели птиц. Прячась в кронах разлапистых вязов, сидя на мшистых надгробиях и увенчанных травой склепах, они словно баюкали мертвецов. Каждый день. Каждую ночь.

Пребывая в тени вековых деревьев, Флогги копал могилу. А заодно размышлял о смерти. Для него убийства были самовыражением. Искусством, сокрытым в серых буднях столицы. Чёрная лужа после дождя. Слизь в канализации. Лишний мешок костной муки на городском складе. Кто признает в них пепел заживо сожжённой жертвы, растворённый в щёлочи труп или братскую могилу в холщовой оболочке? Никто. Люди слишком слепы. Слишком заняты насущными делами, чтобы видеть, как их жизни незримо поглаживает длань смерти.

Однако Эрмению ждал иной удел. Двойное дно в свежей могиле. Широко известная в узких кругах северянка пополнит коллекцию трофеев, станет ещё одной безмолвной гостьей на старинном кладбище...

* * *

– Soneses, – задумчиво глядел на рисунок Шойсу.
– Солнце, – поправила его Лайла и обернулась на звук открывшейся двери.
– Ну, готовы? – вошёл в помещение Рэксволд. – Карета ждёт на углу.
– Карета? – поднял бровь Джон. – Я думал, мы пешком прогуляемся.
– Вот ещё. Сапоги новые пылить, – ассасин подошёл к столу и кинул взор через плечо иномирца. – Что ещё за детская мазня? – он покосился на лежавший рядом карандаш. – Н-да. Домик плоский и кривой. Солнце овальное. Калеки лучше рисуют.

Следопыт закашлялся в кулак, и Рэксволд заметил вампиршу, выразительное лицо которой не требовало слов.

– А... Это ты сделала... Тогда нормально... Нет, не в том смысле, что ты хуже него... Боги... – ладонь в чёрной перчатке шлёпнулась о лоб и стекла по щеке. – В общем... я на улице.

Лайла проводила чёрную спину немигающим взглядом, едва не оставив на ней прожжённую дыру. Затем глубоко вздохнула и спокойно произнесла:

– Это называется минимализм.

Джон не сдержался и захохотал, за что в него полетела сырая скомканная тряпка, забытая Аланом после протирания стола.

* * *

Рэксволд с Эрминией стояли на перекрёстке, подле лакированной тёмной кареты, запряжённой караковой лошадей. Чёрная сбруя с золотыми украшениями придавала экипажу элегантности. В эту картину не очень вписывался молодой кучер в бежевой рубашке и жилете, ловко щелкавший тыквенные семечки. За что был удостоен тяжёлым взглядом северянки. Встрепенувшись, будто огретый наковальней, паренёк стряхнул с брюк шелуху и занял руки вожжами.

– Я уж решил, вы передумали... – взирал на приближавшуюся пару ассасин.

– Признаться честно, было такое желание, – ужалила взором Лайла. – Но я сочла, что неправильно отказываться от заслуженной награды. Тем более когда Алан ушёл по делам и кому-то нужно присмотреть за Шойсу, – она ехидно сощурила глаза.

– За это можешь не переживать. Присмотрим, – улыбнулся Рэксволд. – Ну что, навстречу впечатлениям? – он накренил золочёную ручку и приоткрыл дверцу. – Проводник ждёт вас на месте.

– Не слишком ли вычурно для обычной поездки? – следопыт глядел на обитые белой кожей сиденья.

– Ну прости, что не навозная телега с горбатой клячей, – развёл руками тот. – Мы в столице, Джон. Тут всё с размахом.

– Что ж. Благодарю, – смягчилась Лайла. – Поделюсь впечатлениями по возвращении.

– Спасибо, Рэкс, – хлопнул по чёрному плечу следопыт.

– Угу.

Через несколько секунд дверца закрылась, и застывший в квадратном окне профиль Джона двинулся по улице вместе с каретой.

– Еле спровадили... – буркнула Эрминия.

– Ага. Вроде не догадались.

* * *

За квадратным оконцем проплывал пестрящей клумбами город. Вилял узкими улочками. Проникал в карету цветочным благоуханием и ароматом медовых лакомств. Повернувшись к Джону, Лайла погладила дремавший на коленях невидимый клубок:

– Я думала, Рэксволд лично нам экскурсию проведёт. Но, увидев карету, поняла: с нами он не поедет. На что я рассчитывала? Рэксволд же решает проблемы только двумя способами. Силой или золотом. Хотя, как проспоривший, мог бы и поднапрячься. Надеюсь, Алан не обидится. Он сам хотел нам столицу показать.

– Не обидится. За раз в любом случае всё не посмотрим, а интересных мест здесь много. Один «Музей музыки и танца» чего стоит. Слышал, там свыше полутысячи экспонатов.

– Впечатляюще... Ох, даже не верится... На изломе мира, в близости конца света, я колесу по чужой столице ради праздного досуга.

– Ну вот. Опять самобичевание. Мы все ждём Леонардо. Набираемся сил перед новым путешествием. Что Эрми тебе вчера сказала? «Если так неймётся пострадать, приколоти ноги к полу».

– Да. И посмотрела так, словно гвозди уже приготовила.

Вдруг раздался шелест приподнятого окошечка за висевшей впереди шторкой:

– Простите, что беспокою. Будет двухминутная задержка. Проверка моих документов как члена «Гильдии извозчиков». Всё в порядке, но придётся чуть подождать. Особое положение, как-никак. Сейчас с этим строго.

– Хорошо, – ответила Лайла, и окошечко вновь закрылось. – Вот они, последствия возвращения существ. В столице Ардонэйзии особое положение. Ветхая надежда сберечь благополучие людей за каменными стенами.

– Переживём как-нибудь... – Джон обнял вампиршу, и та положила голову ему на плечо. – Я видел и военное положение, и комендантский час, и дорожные заставы. Без всяких магических существ, замечу.

Карета остановилась, а вместе с ней застыл и разговор. Лайла сдерживала себя, чтобы не омрачать солнечный день тревогами. Разгоняла их пламенем надежды. Но стоило отпустить светлую мысль, они, как тени, вновь смыкали круг.

Вскоре повозка опять тронулась, да так резво, словно пыталась оторваться от погони.

– Похоже, мы опаздываем... – следопыт глянул в оконце, где вдруг мелькнула городская арка. – Не понял... Мы выехали из города?.. Неужто через другие ворота ближе, чем напрямую?

Лайла же напряжённо вслушивалась в стук копыт:

– Что-то не так... – она под села к дверце, за которой под голубым небом стелились цветущие луга, осторожно приоткрыла её и посмотрела вперёд: – Мне не показалось... В экипаже теперь три лошади... И Рвинкольт стремительно отдаляется... – дверца была бесшумно закрыта, а объятый подозрительностью взор обращён к Джону.

– Этому должно быть какое-то объяснение. Не похитили же нас, – хоть воин и улыбнулся, его рука рефлекторно спустилась к бедру.

– Сказал он и потянулся к отсутствующим ножнам.

Чередка жестов под шёпот заклинания – на ладонях вампирши вспыхнули сияющие руны.

– Мы свернули? – вдруг насторожился следопыт. – Слишком мягко едем, – он придвинулся к другому оконцу. – Лайла... Ты должна это видеть... Вниз посмотри...

Вампирша с опаской приоткрыла дверцу, уронив взгляд на дорогу. А там вместо каменной земли зеленел палас с розовой крапинкой свежих цветов.

– Клеверная тропа... – ошеломлённая вампирша медленно прикрыла дверцу. – Нет... Этого не может быть... Свадьба?.. Сейчас?! О небеса, я же совершенно не готова! Причёска, платье, украшения... – затараторила она. – Вот почему Алан загадочно сказал «видно будет», вот что значит «навстречу впечатлениям» Рэксволда. Они и вчера отлучались. Сегодняшний

спор – лишь предлог выманить нас из дома. Ох... Я прибую их... Определённо... Испепелю... И меня не будет мучить совесть!

– Как по мне, ты выглядишь великолепно...

– Почему ты так спокоен? – подозрительно прищурилась Лайла. – Ты знал? Вы в сговоре?

– Не в сговоре. Просто нет повода для переживаний. Если едущая сейчас со мной умница и красавица станет моей супругой, я только порадуюсь. Тем более, всё равно хотели сыграть свадьбу в Виверхэле, по эльтаронским традициям. Потому не вижу разницы: вот тебе чужбина, вот тебе традиции. А от пышных нарядов ты, помнится, сама отнекивалась.

– Нет, вы точно в сговоре... – вампирша стала обмахиваться ладонью на манер веера. – У меня сейчас сердце из груди выпрыгнет.

– Мы можем не поддаваться на провокацию. Все всё поймут. Рэксволд немного подует, но тоже поймёт.

Сюрприз или провокация? Сложный вопрос. Переняв переживания девушки, Скарги начал топтаться на коленях, баламутя думы рябью точечных ощущений. Вдобавок лопатки плавно притянуло к спинке: дорога пошла в гору. За окном возник склон холма. Лайла пристально виском к стеклу. Устремила взор вдаль. На вершине высился белый собор с двумя золотыми шпилями, сплетёнными в витой рог.

– Я их прибую... – наконец сказала вампирша. – Но брачный союз лишним не будет. Хоть немного оправдывает меня перед законом.

– Спишешь всё на волнения? – на лице Джона заиграла улыбка.

– Определённо, – положив ладонь ему на колено, Лайла пристально посмотрела в серые глаза. – Подумай как следует. Пока есть время. Ведь после свадьбы тебе от меня уже никуда не деться.

– Хах, куда уж больше? Ты и без неё меня с того света вытащила.

– Считаю это прелюдией.

– Никак поводок нацепишь?

– Не попробуешь – не узнаешь, – на губах Лайлы расцвела милая улыбка.

– Вот зараза... Ну, что теперь делать?.. Придётся удовлетворить интерес, – усмехнулся Джон и накрыл нежную руку мозолистой ладонью.

* * *

Собор богини Анвадиэль, более известный как «Храм Чайания и Любви», – священное место, где возлюбленным дано право скрепить отношения особыми узами: перед Богами и перед Законом. Многовековую традицию разделяли даже те, кто не особо веровал в высшие силы. Оттого не было и дня, когда с зелёного холма по равнине не разносились бы радостные крики и добрые пожелания. Вот и сегодня к белокаменной арке подъехала тёмная карета. На усеянный цветами палас ступили сапоги. Виновников торжества уже ждали во внутреннем дворе. Трое воинов, мальчуган и серый конь стояли у фонтана, украшенного статуей целующихся аистов.

– Рэ-эксволд... – идущая Лайла протянула распростёртые руки. – Наверняка главный инициатор сего действия. Позволь поблагодарить тебя тёплыми объятиями.

– Та-а-ак... – не спешил идти навстречу тот. – Джон улыбается. Значит, глаза ты мне выцарапывать не собираешься.

– Или он тебя слепого отметелить хочет, – стоявшая рядом Эрминия держала под уздцы Бамбука.

– Не собираюсь, – ответила тёплой улыбкой Лайла. – Это слишком лёгкая расплата за то, что мне пришлось пережить в карете.

– Догадываюсь...

– Почему сейчас? – приблизилась вампирша.

– А когда? Мы постоянно куда-то спешим. Почти каждый день рискуем жизнями. Разбойники. Чокнутые колдуны. Пророчества всякие. Озверевшие существа. Пора остановиться. Но не ради передышки. Время сделать глоток. Глоток надежды на светлое будущее в трещащем по швам мире. В конце концов, мечты должны сбываться, а не пылиться в закромах души. Потому мы все здесь. Я. Эрми. Алан. Бамбук: он уже давно часть семьи. Как известно, в семье не без урода, поэтому... – ассасин кивнул на Шойсу, глаза которого были перевязаны серой шалью. – Ну и вообще... Я ж обещал...

Опустив проникновенный взор, Лайла заключила Рэксволда в объятия:

– Даже не представляю, во сколько всё это обошлось...

– Неважно. Благодаря тебе я богат, да и грондэнаркская сталь тут в цене. Будь счастлива и не забывай голову ерундой.

– Уже. А моя признательность безгранична, как звёздное небо, – отстранившись от ассасина, вампириша шагнула к Эрминии с Аланом.

– Ко всем прилипать станешь? – та заложила за ухо покачиваемые ветерком волосы.

– Только к дорогим сердцу, – Лайла мягко притянула к себе парочку и обняла. – Эрми. Алан. Спасибо вам...

– Я лишь чуток помогла...

– Пустяки, – улыбнулся юнец.

Напоследок вампириша погладила Бамбука, удостоила Шойсу добрым взглядом и вернулась к Джону, который тоже выразил благодарность каждому из участников. Как раз вовремя. Ворота собора распахнулись – торжественная духовая музыка пригласила всех внутрь.

Лайла, держа под руку Джона, восходила по каменной лестнице, когда на плечо приземлился мекфит, всё такой же невидимый, однако теперь ощутимый не только весом.

– Ах... – едва ли не поёжилась вампириша. – Влажные, холодные лапы... Самое время... Как, Скарги, ты детально изучил фонтан?

В ответ раздалось радостное урчание.

– Он бодрит тебя, чтобы ты в обморок от волнения не упала, – Джон глядел вперёд, на алтарь, за которым стоял седой храмовник со свитком.

– Я могу... – Лайла скользнула взором по возвышавшейся за служителем храма статуе: прекрасной деве в цветочном венке. – О небеса, я при виде дракона меньше нервничала... Держи меня, если что.

Богатое убранство окутало возлюбленных и идущих за ними гостей травяными благоуханиями. Рэксволд с Эрминией шли ровно, ни на что не отвлекаясь, почти как конвой. Шойсу же, сдвинув повязку на лоб, рассматривал росписи на стенах и декорированный лепниной свод. А Бамбук принохивался к поднимавшемуся из золотых чаш дымку.

Едва Лайла с Джоном ступили на световое пятно, цветную мозаику, отбрасываемую высокими витражными окнами, музыка стихла – верный сигнал остановиться.

– Сегодня в радужных лучах любви два горячих сердца ждут благословения Анвадиэль, – опустив взгляд на пару, заговорил храмовник на эльтаронском. – Перед Её всевидящим взором вы поклянетесь друг другу: блюсти верность, делить пополам счастье и утешать в часы горести. Ваши слова отпечатаются на полотне времён нерушимым узором. Джон Скалингер. Лайла де Рон. Вы готовы принести клятву перед Смертными и перед Богами?

Следопыт и вампириша повернулись лицом друг к другу:

– Я клянусь тебе, – начал первым Джон. – Блюсти верность. Делить пополам счастье. И утешать в часы горести.

Лайла, от волнения вращавшая пальцем золотое кольцо на правой руке, бесшумно вздохнула:

– Я клянусь тебе... Блюсти верность... Делить пополам счастье... Утешать в часы горести.

– Ваши клятвы услышаны! – храмовник развернул свиток, и из-за ширмы сбоку вновь грянула торжественная музыка. – Скрепите же обет штрихами души! – морщинистая ладонь указала на чернильницу с белым пером.

На осыпанном лепестками клевера документе возникли две подписи: простенькая и элегантно завитушчатая.

– Милостью Анвадиэль и силой королевской печати, я объявляю ваш союз законным! Пусть узы, заключённые перед Смертными и Богами, принесут вам благополучие, а путь ваш будет долог и всегда озарён солнцем!

Под ликующие возгласы друзей возлюбленные поцеловались. Однако на этом мероприятие не закончилось. Как оказалось, Рэксволд арендовал «уютный домик» на островке Разлатого Озера, где издавна отмечали празднества столичные ардонэйзийцы. Не все. Лишь обеспеченные.

Две кареты доставили странников на побережье, к качавшейся у причала шхуне, за которой простиралось искристое полотно. Десятиминутная переправа – и вот он, травянистый берег. Уставшие щуриться от бликов взгляды обрадовала резная беседка с накрытым яствами столом. Прямо под сенью сливовых деревьев. Рядом возвышался и «домик»: небольшое поместье посреди огромного душистого сада. Ничего не скажешь, Рэксволд знал толк в гуляниях на широкую ногу.

О местных слугах напоминал лишь тусклый свет в окне каменной пристройки, а шхуна спешно скрылась из виду. Зазвенели бокалы. Загремели тарелки. Праздновать без посторонних стало уже традицией. Конечно, Шойсу в неё не вписывался, однако оставить его было не с кем. Впрочем, наблюдать за иномирцем оказалось даже забавно. После пары поздравительных тостов повеселевший ассасин стал подсовывать ему разные экстравагантные блюда, какие тот с осторожностью пробовал: по-видимому, вино раззадорило любопытство у всех присутствующих. Гастрономические эксперименты закончились обсыпанной в перце долькой лимона, после которой лицо Шойсу скукожилось в подобие изюма, а Рэксволд заржал так, что аж поперхнулся слюной. И всё же темнокожий вроде как не обиделся – торжество проходило в дружелюбной обстановке. Тосты разбавлялись рассказами Алана об ардонэйзийской кухне: десерты для застолья он выбирал лично.

Вкусностей перепало даже Бамбуку со Скарги. Сушёный инжир оценили оба – в ожидании добавки мефит бросал жалостливые взгляды на Лайлу, жеребец же нагло тыкал носом спину следопыта, из-за чего тот дважды проливал на себя вино.

Эрминия воздержалась от горячительных напитков: пила сливовый сок с женьшенем. То ли из-за принципов, то ли оттого, что с вечерней зарёй надо было вести в мастерскую пьяную троицу, в какой двое носили клинки и не особо ладили друг с другом. Хотя у сидевшей на коленях Рэксволда северянки имелись все шансы захмелеть от его дыхания: он залил в себя целый кувшин вишнёвой ратафии. В любой другой день Эрминия не дала бы ему так надраться. Но сегодня можно. Как-никак, событие действительно грандиозное, а тайная подготовка к нему стоила немалых сил.

К вечеру, когда багряное солнце готовилось нырнуть за дальний, подёрнутый дымкой берег, шхуна вернулась за гостями. Изрядно подвыпившие ассасин и следопыт прощались словно навек. Невнятные разговоры. Братские похлопывания по плечам. Воинственно поднятый кулак на отплывающем корабле. Мужчины... Какими бы разными не казались по трезвости, перебрав, сродни двум каплям воды.

Оставшись наедине, Лайла с Джоном направились в поместье, где их ждала озарённая свечами роскошная спальня. Усталость и хмель в головах намекали отложить страсти до утра, но взгляды, брошенные на кровать с белоснежным балдахинном, разожгли желание повременить с отдыхом... и лишь потом заснуть в обнимку на мягкой перине.

* * *

В окна мастерской глядели сумерки. Они могли видеть мрачный холл, пустые комнаты, но никак не того, кто стоял в тёмном коридоре второго этажа. Чёрный плащ. Маска в виде оскаленного черепа. Взведённый арбалет. Нет ничего слаще ожидания жертвы... и одновременно горче. Точно яблочный пирог с излишком корицы. Этот вкус способна смыть только кровь. Горячая. Вытекавшая из бьющегося в конвульсиях тела. Уже скоро.

Звон подков. Хлопнувшая дверца кареты. Пьяное бормотание мужчин и бодрый голос той, кому уготована могила. Звук открытого замка. Неторопливая возня на первом этаже. Щелчки огнива.

– Я наверх вас тащить не буду. Умойтесь. Живо. И не вздумайте блевать в бочки. Сейчас таз притараню.

Флогги терпеливо ждал. Неразборчивый ор на первом этаже, отдалённо похожий на какую-то матросскую песню, заглушил скрип половиц. Отныне стоило верить лишь глазам. И вот на фоне стены, у лестницы, куда долетали отсветы свечей, возник женский силуэт. Развернулся лицом к царившей в коридоре мгле. Выстрел. Арбалетный болт пробил грудь и вошёл в сердце...

Глава 3

Лайла пробудилась от чувства тревоги. Будто приснился вмиг забытый кошмар или... случилось что-то дурное. За окном бродила ночь. Рядом тихо сопел Джон. На пальце по-прежнему блестело кольцо с единорогом: залог надежды на счастливую жизнь. И всё же тревога не проходила. В сонный рассудок прокралось озарение: вдруг столь странным образом заявил о своём прибытии Леонардо? Неужели манеры не позволили ему вторгнуться к супружескому ложу или ситуация требовала иной деликатности?

Кинув взгляд на спящего следопыта, Лайла бесшумно встала, облачилась в платье и босиком вышла за дверь. Никого. Мрачный зал, представавший перед вампирическим зрением в серых тонах. Залитый луной стол на двенадцать персон. И гробовая тишина. Внезапно справа, у рояля, что-то зашуршало. Взор метнулся к стене, где качалась картина: дремучий лес под грозовым небом. Обрамлённый деревянной рамкой пейзаж застыл чуть криво. Лайла приблизилась и, задержав взгляд на белевших в дупле глазах, осторожно поправила картину. Волосы на затылке шевельнул холодный ветерок. Словно дыхание. Вампирша обернулась. Никого. Однако на столе теперь лежала книга. Виной тому явно не сквозняк и не слуги – магия. Скованное выдержкой озирание. Черета недоверчивых шагов. Пальцы коснулись кожаной обложки с тиснением в форме человеческого сердца. Медицинский трактат.

– Леонардо? – тихо позвала Лайла.

Зал неприятно молчал. У колдуна было чувство юмора, но затяжные представления без обозначения себя любимого – не его стиль. Подозрительность обернулась наложенными на ладони рунами.

– Что за игры?..

Точно в ответ, слева, в проходе у дуговой лестницы, что-то зашелестело – по спине пробежали мурашки. Хотелось забежать в комнату и закрыться в ней до утра. Правда, если на порог пожаловала Хризальтера, жди беды даже за семью засовами. А может, всё проще? Спровокационный вместе со всеми мифит удумал вернуться под покровом ночи? Не дождался внимания и решил попроказничать?

– Скарги, появись, – велела пустоте вампирша.

Ни-ко-го. Уже позже она сообразила, что опознала бы его по запаху. Как и любое другое существо. Но запахов не было. И это пугало. Призраки? Фантомы? Старинное поместье оживляло в голове давно забытые легенды. В любом случае творилось что-то неладное. Пре-

бывать, и уж тем более отдыхать, здесь смертельно опасно. Нужно разбудить Джона! Лайла повернулась к комнате: не до конца прикрытая дверь оказалась заперта, а на латунной ручке сидело чучело ощеренной крысы. Недвусмысленное предупреждение. Злить потустороннюю силу не хотелось. Тем не менее вампириша заглянула внутрь, чтобы убедиться в невредимости следопыта. Одно дело – слышать ровное сердцебиение, и совершенно другое – видеть своими глазами.

Однако от увиденного ёкнуло сердце. Джон спал сном младенца... пока рядом на перине лежал его обнажённый меч. Жуткий и выразительный жест. Если бы нечто желало навредить, уже бы навредило. Дверь снова была прикрыта.

Оставив злобное чучело на рояле, девушка направилась к лестнице. Робкая поступь босых ног. От волнения даже толстые ковры чудились жёсткими и холодными. Или так оно и было?..

Проход остался позади – ладони легли на мраморные перила, леденящие кожу, точно родниковая вода. Вид на затопленный мраком холл вселял панику. Особенно настезь распахнутая входная дверь, где на бронзовом кнокере, голове коня с подковой в зубах, что-то блестело. Лайла присмотрелась к золотому отсверку и обмерла. Медленно поднятая рука. Опущенный на пальцы взор. Кольцо с единорогом отсутствовало. Непонимание смешалось с ужасом – ноги стали ватными, а собственное сердце застучало громче свистевшего снаружи ветра.

– Довольно!

Опущенные веки сокрыли чуть сиявшие глаза, а когда поднялись, меж ресниц пылало красное зарево. Издав низкий звериный рык, Лайла с горевшими на ладонях рунами спустилась по лестничной дуге. Подошла к двери. Вернула кольцо на палец. А затем, окрылённая гневом, смело вышла во двор.

Гонимые ветром тёмные тучи цеплялись за рогатый месяц. В лунном сиянии серебрилась трава. Нахраписто напозала на мощёные дорожки и пряталась в тени сливовых деревьев. Под одним из них вялым маятником шатались верёвочные качели. Вампириша продолжила озираться. Закрытая калитка под декоративной аркой забора. Темнота в окнах каменной пристройки. Кто бы ни учудил подобное, он находился где-то неподалёку. Лайла снова бросила взгляд на качели и вздрогнула. Они больше не двигались, но на них... сидела русая девчонка. Без единого шевеления. Склонив голову к тонувшим в траве бледным ногам. Словно статуя.

От боевого настроения не осталось и следа. Сжав дрожащие ладони в кулаки, вампириша заставила себя пойти навстречу неизвестности. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Стопы липли к траве, будто к раскалённой смоле. Надежда расслышать сердцебиение девочки осыпалась битым стеклом. Её грудь была мертвенно беззвучна, а от фасона кремового платья веяло стариной. Впрочем, и причёска казалась старомодной: зачёсанные назад волосы, схваченные на затылке височными прядями.

Стоило приблизиться, как девчонка подняла взор. Её глаза тускло сияли багрянцем.

– Ты... вампир? – опешила Лайла.

– Тебя это удивляет? Ты вроде и сама изваяние ночи. Странное... – поглядела на руны та, – но всё же. Что привело эльтаронскую принцессу в сердце Ардонэйзии?

– Откуда... ты меня знаешь?

– Не каждый день в архивах храма мелькает давно забытая королевская фамилия. Я пожелаю лично поглядеть на светскую особу. Отрадно лицезреть, что это не ошибка. Скрупулёзность служителей по-прежнему достойна восхищения.

– Я ещё не встречала себе подобных. Кто ты?

– Кто я? – на простеньком личике проступила загадочная улыбка. – Твой вопрос забавен... и оскорбителен, – последняя фраза прозвучала грубее и прямо над ухом.

Лайла обернулась, столкнувшись нос к носу с хмурой девушкой, чью половину лица скрывали длинные волосы. Скошенный на качели взгляд застал лишь пустующую доску.

– Я не хотела тебя оскорбить, – снова посмотрела на собеседницу Лайла, но взор провалился в царившую в саду ночь.

– Я знаю... – вновь донеслось с качелей. Держа руки на верёвках и чуть покачиваясь, девочка таинственно улыбалась. – Молодость полна ошибок. Неправильные слова... Сомнительные поступки... Любовь к смертным...

Ветер, тянувший с озера прохладу, хлестнул Лайлу по лицу и всколыхнул волосы. Судя по угасшей улыбке напротив – вряд ли совпадение.

– Всё это представление для того, чтобы осудить мой выбор? – миролюбиво поинтересовалась Лайла.

– Вот уже пять веков я никого не сужу. Я Эста фон Крюэль-Лакриз. Основательница культа «Лунного венца» и первая из разомкнувших оковы.

– ...

– Молчание. Стена непонимания. Видимо, я снова пытаюсь лить из пустого кувшина... – девочка возвела взор к небу, и месяц отразился в её глазах белыми серпами. – Тогда наполню его. Мне не сложно, – внимательный взгляд вернулся к Лайле. – С давних времён вампиры беспрекословно подчинялись воле своих создателей и в случае их смерти тоже погибали. Я единственная, кто за столетия гнёта и страданий, взрастила в себе уникальный дар: рушить тёмную связь с заклинателем. Как свою, так и чужую. Мои последователи тоже лишены ошейников. Но ты свободна не моими стараниями. Кто разомкнул твои оковы?

– Если бы я знала...

– Не страшно. Неприятная правда ценнее сладкой лжи. Ты балансируешь между Жизнью и Смертью, носишь на себе печати огня и обладаешь правом на эльтаронский престол. «Лунный венец» создан для таких, как мы: интеллектуальной элиты ночи. Пусть ты обуздала кровавое безумие, пламя и солнечный свет, твои тёмные способности оставляют желать лучшего. Словно ты и не вампир вовсе. Я могла бы раскрыть твой потенциал...

– Если я стану частью вашего культа, – догадалась Лайла.

– Верно. Предложение примкнуть к касте избранных я делаю не часто и далеко не всем. Оно не звучало уже семьдесят шесть лет. Достойные кандидаты давно перевелись, а ведомые жаждой упыри заслуживают лишь рассветной агонии. С ответом спешить не обязательно. Ты вправе задать вопросы и всё детально обдумать, – изречения звучали благостно, но пристальный взгляд пронзал, точно ледяное копьё.

Не выдержав давления, Лайла посмотрела на висевший на шее собеседницы серебряный полумесяц:

– Вы единственные вампиры в мире? – взор сполз на браслет из сцепленных углами звёзд.

– «Лунный венец» – дом для ищущих себя на поприще вечной жизни. Мы обосновались на восточном континенте, чтобы самосовершенствоваться в искусстве чар Тьмы. Однако мы чтим свободу воли и не убиваем без нужды. В отличие от «Сынов Гегктора», под какими страдают западные королевства. Для них люди – лишь еда, а убийства – развлечения.

– А для вас? – рискнула поднять глаза Лайла.

– Ресурс, к которому следует относиться с уважением, – с пугающе каменным лицом ответила Эста. – Мы не отнимаем жизни ради экспериментов и пропитания. К нам на поклон приходят добровольцы. За утраченную кровь они получают недоступные смертным блага. Унять скорбь от потери любимого? Избавиться от неуверенности в себе? Вызвать стойкую неприязнь к крепким напиткам? Внушение по желанию не претит нашим убеждениям. Эффекта хватает на месяц, а то и два. В зависимости от сложности просьбы.

– Звучит разумно. Возможно, даже благородно. Но мне неприятна мысль, что мой возлюбленный и мои друзья для вас лишь сосуды с кровью.

– Смертные слишком... слабы. Мы же – новая раса, которая стремится к созданию себе подобных, лучших из лучших, бессмертного общества гениев и творцов. С каждым веком мы

потребляем всё меньше крови и даже переносим первые лучи зари. Придёт день, когда кровь нам будет не нужна, а свет солнца станет таким же родным, как лунный. Мы создадим идеальное общество, где не будет плача у могил, мук старости и болезней.

– Иными словами, если люди не приносят существенной пользы, они не достойны?

– Чувствую эгоистичный подтекст, – каменная маска треснула от едва заметной улыбки. – Ты о своих друзьях? Мы как раз стоим на пороге открытия, что позволит обращать людей в вампиров. Внесёшь свой вклад и получишь возможность приобщить их к вечной жизни. Разумеется, если они не будут возражать. В таком случае «Лунный венец» поспособствует выявлению их талантов и научит бороться с кровавым безумием. Шагнуть в будущее не так уж плохо, – бровки девочки вдруг надломились, а голос стал презрительно сухим: – Правда, есть тот, кто считает нас пережитком прошлого, осколками старого порядка, и истребляет всеми доступными способами. Наличие длинных клыков для него – повод для казни, а наши представления о мироустройстве в его глазах – лишь утопия, угрожающая человечеству ордой бесконтрольных упырей. Благо он не ведает, что за нами никто не стоит. Иначе бы приложил больше усилий и стёр нас с лица земли. Тебя тоже. Разве это справедливо? Разве бывшие рабы не имеют право на жизнь?..

– Как зовут вашего врага? – осторожно спросила Лайла.

– Леонардо.

Тихий ответ прогремел подобно грому – туман опасений затвердел скальной стеной. Вспомнилось, как в Аль Хероне, после заключения союза, некромант отпустил весьма странную фразу: «Самая густая мгла ласкает взор, а ослепительно яркий свет режет глаза – путь спасения придуман не мной». И ведь именно чарами Тьмы он вдыхал жизнь в мёртвую плоть. Обманывал смерть. Менял правила игры. Так почему новатор отверг идею нового мира по хорошо известным лекалам? Ведал об истинных мотивах культа или не желал делить лавры победителя?

– Ты задумалась... – чуть приподняла бровь девчонка. – Что бы это значило?

Лайла ощутила себя между молотом и наковальней. Однако если бы пришлось выбирать, встала бы на сторону Леонардо. По крайней мере, он никогда не лгал. Речи же Эсты – незнакомая река, где брод грозил обернуться омутом.

– Ты назвала имя моего создателя, – щит из честности, как попытка не нажать новых врагов.

– Любопытно... любопытно... – наклонив голову набок, Эста гладила пальцами щёку и изучала Лайлу потерянными взглядом, – что ты сказала правду. Ни сомнений. Ни увиваний. За такое не жалко и вознаградить...

– Что?.. Нет... – разум не успел осознать, когда качели вновь опустели.

– Открой... – раздался справа повзрослевший голос.

Лайла повернулась. Перед ней опять стояла девушка с наполовину занавешенным русостью лицом. Сияние луны делало её кожу мертвенно бледной, волосы – блёклыми, отчего бордовый глаз с чёрной палкой зрачка смотрелся особенно жутко. В руках же Эста держала закрытую корзину. Вместе с ветром Лайла уловила сильный запах крови.

– Что в ней?

– Жизнь дорогого тебе человека.

Ответ прозвучал недобро – от шквала дурных мыслей ноги снова стали ватными. Лайла аккуратно приподняла плетёную крышку и вмиг отпрянула: в корзине лежала голова незнакомца.

– Я не понимаю! – вырвалось из груди справедливое возмущение.

– Я искала встречи с тобой в мастерской, но там оказались лишь твои спутники. И ассасин «Апофеоза», ждавший кого-то из них на втором этаже. По-видимому, девушку, раз перепутал наши фигуры во тьме. На своё несчастье...

– О небеса... Эрми... Нам нужно срочно покинуть город...

– Вероятно, ты права. Наша беседа подошла к концу. Подумай над моим предложением.

Я приду за ответом в ночь, когда мгла сокроет половину луны. Где бы ты ни находилась.

– Подожди... – Лайла пыталась нащупать в трясине паники островок здравомыслия. – Если ты так всеведуща, возможно, сумеешь подсказать мне одно место...

Раскрывать планы не хотелось, но правильнее приближаться к цели, чем терять время в какой-нибудь глуши. Тем более, вне города легко встретить хищника. Теперь и магического. Ожидание Леонардо – напрасные риски.

– Спрашивай.

– Полуразрушенная крепость в липовом лесу. Поросшие плющом башни. Мальва под стенами...

– Оплот Погасшего Огня. Долина Бабочек. Юго-восток.

– Сердечно благодарю... – Лайлу прервало вездесущее пение цикад, словно они все разом очнулись ото сна.

Она быстро огляделась, а когда посмотрела вперёд, собеседницы уже не было. Лишь закрытая корзина угрюмо стояла на качелях.

* * *

Утренний визит Лайлы и Джона стал неожиданностью для обитателей мастерской. Стук в дверь разбудил Алана, а на громкий разговор внизу спустился Рэкволд. Помятый и заспанный.

– Вы чего чуть свет припёрлись? – тараторил он на вампиршу с ласкавшимся на руках мефитом. – Я ж за сутки заплатил... – ассасин поглядел на следопыта. – А морды чего хмурые? Семейная жизнь дала трещину? Не рановато ли? – взор сполз на стоявшую на полу корзину. – Что там?

– Сам посмотри, – понуро сказал Джон.

– У меня башка трещит, как палуба в шторм, ты наклоняться ещё предлагаешь... – Рэкволд приблизился и подел крышку мыском сапога. – Ма-ать твою...

– Зови Эрми... – Лайла устремила взгляд к каменным ступеням.

Краткий рассказ о ночном происшествии слушали уже все, кроме Шойсу, которого пока решили не беспокоить.

– Тебе не соврали... – пялилась в корзину сидевшая на лавке северянка. – Он из «Апофеоза». Эту мерзкую рожу с кольцом в носу я пару раз встречала. Зато теперь ясно, почему вчера, когда мы вернулись, Скарги на лестницу рычал... Я его не пустила. Сама потом осторожно проверила. Никого. Даже все окна изнутри защёлкнуты.

Ассасин бродил по залу, не находя себе места от переизбытка эмоций:

– Эту суку должен был прирезать я... Но был в хламину... пока в доме прятался убийца и чёрт пойми кто... Дерьмо... Всё. Я завязываю...

– Получается, любой лес сейчас безопаснее столицы, – сидевший на стуле Джон постучал пальцами по столу. – Нужны лошади и припасы.

– Видимо, мне тоже съезжать надо... – уронив взор на затёртые половицы, вздохнул Алан.

– За это не переживай, – посмотрела на него Эрминия. – Если ублюдок влез в дом, значит, намеревался вместо весточки с наводкой принести мою голову. «Апофеоз» не знает ни обо мне, ни об этом месте. Даже о том, что потеряли одного из своих. Правда, когда он перестанет выходить на связь, сюда пришлют другого. К тому моменту мы будем трястись в седле далеко от города, – она поглядела в окно, на искажённую пыльным стеклом улицу, где цветными пятнами плыли прохожие. – Конечно, глаз вокруг много. Ищейка может разнюхать, где я останавливалась, и заявиться. Под видом моего приятеля. Тогда уверенно скажешь: была такая, снимала комнату, потом уехала. Обязательно предложишь ему ночлег. Он откажется и свалит.

– А вдруг заподозрит чего, пытаться станет? – робко предположил юнец.

– Без обид, малой, но внешне ты не тянешь ни на моего друга, ни на того, кому наёмная убийца станет болтать о своих планах.

– Как понимаю, этого дебилушку с собой берём? – указал глазами на потолок Рэксволд. – И как с ним ехать? Он же лошадей сторонится. Из-за него пришлось вторую карету брать.

– В столь скверной ситуации меня мало заботят его предпочтения. Я согласна помочь. Объяснить. Однако тянуть за собой насильно не стану, – неожиданно высказалась Лайла. Скрестив на груди руки, она стояла у стены: в противоположной стороне от корзины. Скарги же преданно сидел на плече.

– Сколько бы времени у нас ни было, выезжать надо сегодня. До полудня, – взгляд Джона облетел всех присутствующих.

– Жаль, что вы так скоро... – погрустнел парнишка.

– Кто ж знал...

– Я, – наконец остановился ассасин. – Мы в проблемы вляпываемся быстрее, чем моча с «вороньего гнезда» до воды долетает. Потому и выпнул вас свадьбу сыграть. Успели-таки... до нового приключения, – он обратил взор к Алану. – Может, к чёрту их, замки эти? Айда с нами. Вдруг в крепости взломщик понадобится.

– Не-не-не. Я за последние полгода уже сыт острыми ощущениями. На всю жизнь хватит. Да и зачем вам тот, кого вы будете с дерева снимать при виде каждой жуткой твари? Я верю, вы справитесь и без меня. А потом вернётесь с ворохом классных историй.

– Вернётесь? – на лице Лайлы застыло сомнение. – После того как мы тебе массу неудобств доставили? Начиная с ночного визита Леонардо и заканчивая палачом на втором этаже.

– Вот ещё. Ничего не поменялось. Вы – мои друзья. Мой дом, как и раньше, открыт для вас всегда. Просто на будущее прикуплю плащ с капюшоном... – взгляд голубых глаз застыл на северянке. – Но лучше сразу в нём приходи.

– Дело говоришь, – кивнула та. – Распущенных волос оказалось мало. И вот ещё что... Пусть мы малознакомы, я тоже склонна считать тебя другом. За спасённую шкуру. Скопытился бы Рэкс с Джоном от вдовьего плена, меня бы уже давно жрали черви. Сказала б спасибо ещё в Эльгароне, да узнала эту историю только вчера. Насколько смогла разобрать пьяное бормотание Рэксволда.

– Я ещё и байки травил? Н-да...

– Ну... мне тогда... – порозовел под уважительными взорами Алан. – А знаете, пойду еду погрею и чай поставлю, – он спешно удалился на кухню.

– Скромняга... – подытожила Эрминия, а затем бросила взгляд в корзину, на заляпанное кровью бледное лицо: – Бошку сожжём за городом. Чтоб не опознали.

* * *

Сборы проходили быстро. Сперва лошади. Затем перемётные сумы, куда сразу же отправились купленные по пути фляги и провиант. По наставлению Алана к вяленой баранине странники взяли сальдарский тофу с пряностями, за счёт которых соевый творог миновала плесень – он медленно, но верно превращался в сухарь.

А вот на этапе седловки возникла заминка. Шойсу пришлось знакомить с чалой кобылой. Иномирец её не боялся – брезговал. С горем пополам и фразой «сдался, наконец, дебил» воины усадили его верхом. Следующие десять минут Лайла водила лошадь в поводу, чтобы новоиспечённый всадник привык к ощущениям. Ещё столько же потребовалось на объяснение нюансов управления. Вроде как сообразил. Сам объехал клумбу и затормозил. Правда, руками шевелил,

точно рыбу чистил. Все прекрасно понимали: шугнись кобыла от какой-нибудь вспорхнувшей птички, Шойсу окажется на земле и убедить его сесть обратно станет уже невозможно.

Солнце было почти в зените, когда странники остановились в безлюдном проулке, недалеко от главных ворот города, чтобы попрощаться с Аланом.

– Ну... спасибо, дружище... – Джон легонько стукнул кулаком о протянутый кулак.

– За гостеприимство, за помощь в сборах, за наставления, – с признательностью добавила Лайла. – Догадываюсь, сколько у тебя из-за нас работы накопилось.

– Да ладно... – по-простецки улыбнулся юнец.

– В общем, к следующему моему приезду твоё имя, как рукастого замочного мастера, должны знать даже столичные крысы. Лично проверю, – с усмешкой заверил Рэксволд.

– Ага. Вы давайте там... не пропадите, – Алан обвёл всех взглядом, задержав его на сидевшем верхом Шойсу, что поправлял повязку на глазах.

– Ты тоже, – суровость Эрминии на секунду развеяло дружеское подмигивание.

Вставленные в стремяна ноги. Натянутые путлища. Заскрипевшие сёдла. Шорох копыт по пыльной мостовой... До того, как все пятеро скрылись за углом арки, Лайла обернулась и помахала рукой. Ответив тем же, юнец грустно улыбнулся, ещё немного постоял да пошёл к мастерской. Раньше в ней господствовала тишина, которая помогала сосредотачиваться на делах, а теперь с распростёртыми объятиями ждала гнетущая пустота. Без друзей будет одиноко. Вдруг Алан вспомнил, что днём раньше видел у рынка щуплого щенка. Замедлил шаг. Остановился. И... бодро пошёл в другую сторону.

Глава 4

Миновав зелёные луга и маленький перелесок, всадники вновь выехали на главную дорогу. Сидя на подлосой кобыле, Лайла размышляла о жизненном пути. Ещё вчера она была на седьмом небе от счастья, а сегодня с отвращением превращала оторванную голову в обгорелый череп, какой с хрустом размозил сапог северянки – остатки варёных мозгов забрызгали лесные ирисы. Еле удалось сдержать рвотный позыв. С того момента лошади отшагали уже мило, но запах жжёной плоти цепко ухватился за платье: пробивался даже сквозь благоухание цветов...

Эрминия косилась на притороченное к чалому боку копьё с длинным рядом вырезанных на древке символов. По-хорошему, стоило купить Шойсу другое, а это – сбавить торгашам. Но оно притаилось в его комнате и совершенно выпало из головы. Пока иномирец сам с ним не вышел. Теперь напоминание о Грондэнарке резало глаз. Будто недостаточно болевших обрубков и гадливых мыслей, где помимо актуальных забот время от времени щёлкала нависшая над лицом пасть. Копыта гнедой кобылы застучали по бревенчатому мосту – медная серьга отправилась в полёт, закончив его тихим всплеском меж окаймлявших речушку водных лилий.

Рэксволду же, сливавшемуся воедино с вороным жеребцом, не давала покоя другая мысль: вчера он чуть не разменял жизнь любимой на выпивку. Подлая засада в, казалось бы, безопасном месте. Всё могло сложиться трагично. Да и вообще... со странным кашлем, оставившим на ладони капли крови, надо побережиться. Один чёрт с таким к целителю не придёшь. Объясни ему, что текущее по жилам проклятье сдерживает обрамляющая сердце магическая штукавина. А слечь с болезнью – стать обузой для Эрми и бросить друзей на произвол судьбы. Всё хорошо. Главное – не паниковать. Само собой пройдёт. Наверное...

Проезжая по мосту, Джон глядел на водяные лилии. Золотые. Точно висевшее над головой солнце. В Эльтароне таких не водилось. Как и ядовитых лягушек, о которых предупредил Алан. А ещё он крайне не рекомендовал пробовать жёлто-оранжевые плоды, насколько приятно они бы ни пахли. М-да. С поправкой на возвращение магических существ и чужбину, собранные по крупицам знания изрешетились пробелами. Их ужасающие размеры отлично продемонстрировал север. Выжив там, помереть в цветущем королевстве даже обидно. Хотя

бы потому, что здесь не было войны и лютого мороза. И тем не менее следовало держать нос по ветру, а ухо – остро. У бедра висел меч, за спиной – щит, на седле – лук с колчаном. Правда, былой уверенности весь этот набор уже не вселял.

Когда стучавшие по брёвнам копыта вновь зашуршали по дороге, Шойсу поднял взор к синему небу. Шаль на глазах позволяла видеть белоснежные облака, порхавшие стайки птиц и даже яркое светило... отчего в его голове разлилось целое озеро мыслей, более тёмных, чем подземные глубины.

Один лишь Скарги, незримый, как ветер, беззаботно парил в небесах: наслаждался солнечным теплом. Наверное, потому, что не мог представить, какие испытания ждали его двуногих спутников.

* * *

Виверхэльские ночи осенью сыры и холодны. Сегодняшняя тоже не была исключением. Однако в богатых покоях замка господствовало тепло. За кованой решёткой в виде сплетения ветвей трещал камин. Свет канделябров искрился на золотом изголовье кровати. На пуховой перине лежали двое. Девушка и мужчина, слегка прикрытые красным шёлком простыни. Она – молода и прекрасна. Он же, невзирая на увенчанные серебром виски, всё ещё статен и благороден.

– Тебе понравилось? – убрав с лица растрёпанные волосы, брюнетка подпёрла голову рукой.

– Безумно, – посмотрел на неё мужчина. – Не каждый день встретишь на балу таинственную незнакомку, пылкую и стройную, как свеча. Так откуда ты? Может, наконец, утолишь моё любопытство? Я всё же король.

– Король, а не ведаешь, кто находится подле тебя, – лукаво улыбнулась девушка.

– На моём балу собираются лишь избранные. Мне не так важен твой титул, как край, где всё это время от меня скрывалась такая красота. Клянусь короной, с твоим уходом он померк и даже солнцу не вернуть ему прежнего великолепия.

– Твои речи сладки, словно мёд. Но столь ли тверды? Скажи мне, король, ты ещё помнишь своё обещание? Расплату за полную страсти ночь?

– Так скажи, куда мне отправить пять тысяч воинов? – хитро прищурился монарх.

– Пустыня у предгорья примет их как родных.

– Значит, ты из Аль Херона? – взор проскользил по изящным изгибам молодого тела. – С глазами цвета лаванды и светлой кожей?

– Не выдавай свои догадки за мои слова. Там, откуда я родом, только тени. Бесчисленное множество теней. Иногда меня нарекают их владычицей. Однако это не меняет сути. Король Вантергаус хон`Кольдэ, ты должен мне пять тысяч воинов, – развратный взгляд из-под полуприкрытых век дополнил воздушный поцелуй.

– Интригуешь. Я готов послушать про диковинный край теней.

– Не стоит уходить от беседы. Твои уста дали обещание, мои – подарили тебе блаженство. И не только уста. Я старалась всем телом. Не хочешь ли ты сказать, что солгал? – в лиловых глазах блеснуло что-то враждебное.

– Шутка кажется забавной до поры, пока не становится дерзостью, – нахмурился монарх.

– Шутка? Вчера твои слова звучали иначе. Были тверды и горячи, как клинок в руках кузнеца.

– Ты серьёзно решила, что я отдам целое войско за ночь с какой-то... – вовремя пригашенный пыл позволил избежать оскорбления. – Собирай свои вещи и...

– Меня зовут Хризальтера, – сев в кровати, спешно изрекла девушка. – Полагаю, я была недостаточно убедительна. Позволь попросить тебя иначе: так, как никто тебя ещё не просил, –

почти промурлыкала она. – Если после этого ты не изменишь своего решения, я больше не стану утомлять тебя бессмысленными разговорами.

– Вряд ли ты способна меня чем-то удивить, – недовольство и любопытство сошлись в жестокой схватке.

– О, ты будешь потрясён... – с придыханием ответила Хризальтера, соблазнительно ведя ступнёй по мужественному бедру, всё ближе и ближе к укрытому шёлком бугорку.

– Хорошо, – наконец смягчился король. – У тебя одна попытка.

Нагая девушка спустила ноги на мягкий ковёр и встала:

– Тебе придётся подойти.

– Что ж, – откинув простыню, поднялся монарх. – Я весь твой.

– Тогда закрой глаза и отдайся темноте, – Хризальтера зашла ему за спину. – Она делает иллюзию осязаемой. Не подсматривай, – нежные ладони укрыли благородное лицо.

– Твои руки такие тёплые... будто ты их держала у огня.

– Это кипящая страсть рвётся утолить твою жажду новых ощущений. Садись... – небольшое усилие направило короля вниз, но ладони по-прежнему пленяли взгляд.

– Куда? Хох. Это что, пень? – пятки изучали непонятную округлую поверхность. – Откуда ему здесь взяться?..

– Не просто пень, а обмотанный цепью. Далеко на севере есть клан женщин с... особым отношением к мужчинам.

– Почитают?

– Поражают редких гостей своей изобретательностью. И всегда уделяют внимание тому, что болтается без дела.

– Вот это мне уже нравится... – от прикосновения к паху король улыбнулся. – Только не понимаю, как... Ведь... Неважно. Продолжай. Да, я чувствую... как ты ласково помещаешь их... в углубление?..

– Таковы традиции, – томно шепнула на ухо Хризальтера. – Как иначе мир услышит славную песнь непреклонного мужа? – ловкий хвост выдернул из боковины пня топор, и сомкнутая щель сплющила плоть в живую лепёшку.

От истошного вопля задрезбуждали оконные стёкла и стоявшая на столе хрустальная посуда. Опрокинув пень, монарх свалился на пол. Орал. Катался по ковру. Пытался разжать древесный капкан. Но тот был неумолим.

– Стража!! Стража!! – от бессилия король лупил кулаком по дереву: костяшки покрывались ссадинами, а из перстня даже выскочил рубин. – Стража!!!

– Куда делось твоё величие? – на качавшийся от дрыганий пень опустилось копыто. – Вместе с ним угас и разум? Неужели ты думаешь, что стража всё ещё жива?

– Я знаю, кто ты... – взгляд выпученных глаз поднялся на рогатую девушку, за спиной которой шевелились крылья. – Демон... Оракулы... предсказывали твоё появление...

– Тогда ты знаешь, что со мной можно заключить сделку, – Хризальтера смотрела в красное, перекошенное от боли лицо. – Пять тысяч жизней в обмен на твою.

– Нет... – процедил сквозь зубы монарх.

– Какая стойкость... – брюнетка взошла на поваленный пень – у короля аж дыхание спёрло. – Подумай как следует. А я пока станцую для тебя, – она начала грациозно извиваться, глядя ладонями обнажённое тело. – Где же улыбка? Я больше не радую твой взор?

– Тебе... не сломить меня... – простонал тот.

– Какое соблазнительное утверждение, – демонесса опустила игривый взгляд на копыта и вдруг, расправив крылья, подпрыгнула на месте: от приземления по сторонам разлетелись мелкие щепки, а из древесной щели брызнула кровь. – Скажи ещё что-нибудь, милый...

– Сдохни!!! – от оглушительного рывка Хризальтера даже зажмурилась. – Сгори в пекле Кардахора!!! – надрывно проорал побелевший король.

– Какие громкие слова... – нахмурившись, девушка спустилась на пол. – Думаешь, боги защитят тебя? Нет, – отрицание прозвучало суровым приговором. Она со всей силы лягнула пень, и тот, вместе с зажатым куском плоти, отлетел к стене, с грохотом опрокинув канделябр.

Вскрикнувший монарх попытался зажать окровавленный пах руками, но толку было мало – ковёр напивался багрянцем, вокруг ширилось тёмное пятно.

– Из славного властелина в жалкие евнухи... Однако тебе ещё есть что терять. Жизнь, – на грозном лице мерцали отсветы разгорающегося пожара. – Я спрошу в последний раз: готов ли ты вверить мне пять тысяч воинов?

Ответом стал плевок под ноги: бордовый из-за прокушенного языка.

– Ты неподвластен чарам влечения. Тебе неведом страх. Тобой движет лишь любопытство и фанатичная преданность стране. Прорицатели постарались на славу. Меж тем возомнившие себя титанами – моя слабость. Всякий раз отрадно видеть, как скалы обращаются в пыль...

По комнате пронеслась тень – под звон бьющегося хрусталя на ковёр рухнул перевёрнутый наоборот стол. Когтистая рука схватила короля за горло и подняла, словно невесомого. Оторванные от пола ноги туго стянул хвост.

– Я напрасно потратила целую ночь. Нанизывалась на твёрдый кол ради чужого удовольствия. Предлагаю поменяться местами.

Набежавшие тени стиснули рот и сковали руки за спиной. Хвост же отвёл окровавленные ноги, управляя мужчиной, точно марионеткой. Усаженный на резную ножку мог только мычать. От попыток освободиться та входила всё глубже. Иссекала плоть бугристым узором. Прорывала внутренности, что не то трещали, не то чавкали. Совсем тихо, по сравнению с тем, каким оркестром вибрировали голосовые связки. Человек бы не услышал, но демон мог оценить всю музыку страшной смерти.

Хризальтера не спешила. Держала жертву за горло, медленно опуская для пущих страданий. А потом начала с улыбкой напевать:

«Ах, не сказали королю,
Что облик я менять люблю.
И день прихода не назвали.
Прозрей, слепец, тебя предали.
Чтоб войско целым сохранить,
Чтобы престол освободить.
И где-то там звучат смешки,
Пока здесь кол бурит кишки».

Вслед за улыбкой, обнажившей четыре длинных клыка, демонесса подпрыгнула и обвила торс монарха ногами, удерживая себя в воздухе мощными взмахами крыльев, что стремительно раздували взбравшееся по шторам пламя.

– Каково это, умереть глупцом? – глядя в широко раскрытые глаза, она провела языком по мокрой от пота щеке, а затем резко сложила крылья.

Под весом двух тел ножка пронзила сердце, распёрла горло и теперь, красная, как мак, торчала из разинутого рта.

– Хрип. Бульканье. Последние трепыхания. Разве это не восхитительно?.. – Хризальтера обняла свою жертву и положила подбородок на вялое плечо. – Однако мне по-прежнему нужны пять тысяч воинов... Придётся навестить бедуинов...

* * *

Из цветущих лугов в лазурь небес вспорхнули розовые птички. Их напугала плотно скачущая тройка лошадей. Лайла с Джоном с обеих сторон страховали напряжённого Шойсу. Если не научить его ездить верхом, путешествие затянется на месяцы. Прямая дорога до холма

давала возможность поэкспериментировать. Пока только с рысью. До галопа ещё далеко: иномирец плохо держался в седле.

– Опять руки задираешь, – Джон демонстративно встряхнул удерживаемый над холкой повод.

Скосив глаза на следопыта, Шойсу буркнул что-то смазанное шумевшим в ушах ветром, и положил запястья на переднюю луку.

– Слишком наклоняешься, – Лайла похлопала себя по спине.

Тот постепенно выровнялся.

– Пусть передохнёт, – бросил взгляд на травянистый склон Джон. – Шагом, Шойсу, шагом.

Натянув поводья, иномирец сбавил скорость. Как и его спутники, что притормозили и стремя в стремя поехали следом.

– Могли бы разочек и уронить, – раздался сзади голос ассасина. – Я послушал бы хоть, как у них там ругаются.

– Успеешь ещё, – ответил Джон. – Ездок из него так себе. Равновесие вообще не держит. Не было б стремян, давно бы сполз. Притом дело явно не в силе. Либо в подземельях они передвигаются пешком, либо как-то хитро пристёгиваются.

– Пристёгиваются? – из-за плеча следопыта чёрным пятном выплыл Рэксволд. – Они что там, на огромных пауках по стенам скачут? – он уставился на Джона в ожидании новых предположений.

– Ты меня спрашиваешь? Я-то почём знаю.

– Какой бестолковый проводник у нас... Едем-то хоть правильно? Три часа прошло, а леса и в помине нет. Одни поля. Карту дай.

Следопыт на секунду поднял взор к солнцу:

– Во-первых, только два. Во-вторых, не леса, а лесадки. Так здесь называют мешанину рощ. В-третьих, сразу за холмом.

– Толковый всё-таки, значит. Я бы даже сказал: больно умный.

– Ну так, – усмехнувшись, кивнул на вампиршу Джон. – Статус обязывает, – он посмотрел на конец поползшей вверх дороги, где вдруг выросли человеческие головы. – О, а вот и первые путники. Я уж думал, всё королевство вымерло.

С холма спускалась телега с крупной клеткой из толстых жердей и веревок, которую сопровождали шесть всадников.

– Охотники, – сразу сказал следопыт. – С уловом. Незапланированным. Иначе бы не покупились на железо.

– Существо, видать, сцапали, – откинув тугую косу за спину, поравнялась с друзьями Эрминия.

– Молгдока, – хоть встречное дуновение и поведало Лайле ответ, она не отводила пристального взора от приближающихся всадников.

– Ты ж понимаешь, что мне интересно? – поглядел на её насуспенный профиль Рэксволд.

– Трёххвостый змей с двумя головами. Размером с человека. Дальний родственник гидр. Как понимаю, они везут его в город на продажу. Только, если он там сбежит, жертв не миновать. Насколько молгдоки миролюбивы, настолько и пугливы. А укусы их смертельны. По крайней мере, без чар Жизни...

– Можно выкупить да отпустить, – задумчиво мял поводья Джон.

– Ага, цену заломят и торгуйся тут на солнцепёке до потери сознания. Проще им сразу морды набить.

– Я сама всё улажу.

– Как? Вежливо попросишь? Да-а-а, они тебя, конечно, послушают.

– Не нужно насилия, Рэкс, – Лайла поглядела на спину Шойсу, какой молча ехал первым. – Всё намного проще.

– На ушастого обменять?! – радостно воскликнул ассасин. – Вот тут я тебя поддержу. Главное, чтоб доплачивать не пришлось... Что за осуждающий взгляд? Вчетвером поедем, как в старые добрые времена.

Повозка приближалась. Тихо скрипела старыми колёсами. Вот уже стали различимы лица охотников. Их немое удивление. Ещё бы. Жителей пустыни в Ардонэйзию заносит невероятно редко, и то они не настолько смуглы. Да и оттенок у них – глинисто-земляной. Никак не глубокая синева вечернего моря. И тут такое чудо навстречу едет. С важным видом. А за ним четвёрка всадников стройным рядом. Отнюдь не темнокожих.

Пока проезжавшие мимо охотники таращились на Шойсу, Лайла косилась на клетку, где за свежеебтёсанными прутьями шевелилось буро-зелёное существо. Детально изучала верёвочные крепления. Потом же прикрыла глаза.

– Видывал? Мордень чернявая, будты по горнилу ей елозил, – раздался позади насмешливый голос.

– Если целоком такой, ночью и не смочиться. Писюх не углядишь! – задорно добавил другой.

За спинами грянул хохот, а следом – стуки жердей. Все, включая Лайлу, обернулись. Из развалившейся клетки выскочил буро-зелёный ком и, распластав на дороге три хвоста, снарядом баллисты спружинил в поле.

– Славливайте падлюку! – завопил первый из шутников, грубо разворачивая лошадь. – Я чаго с псицей полдня в засаде сижывал! Славливайте!!!

Охотники поскакали в поле. С руганью наворачивали круги по высокой траве, едва не врезаясь друг в друга. Странники же продолжали спокойно восходить на холм.

– Не найдут, – довольно промолвила Лайла. – Молгдоки несказанно проворны. А этот ещё и осторожничать будет. Даже приманку стороной обойдёт, – она чуть качнулась и с улыбкой посмотрела на плечо: – Великолепная работа, Скарги, – протянутая ладонь погладила невидимую головёнку.

– Я уж и забыл про него, – признался Джон. – Думал, ты использовала магическую проекцию.

– Вслепую предугадать траекторию повозки, её скорость движения и удержать огонь на множестве постоянно смещающихся координат? Я пока не столь искусная. А при зрительном контакте мне потребовалось бы слишком много времени.

– Ты ж молчала... – уставился на вампиришу Рэксволд. – Как чертяка тебя понял?

– После объединения энергетических потоков со Скарги, в моей голове стали иногда всплывать странные образы. Лишь в Ардонэйзии я поняла, что это не вызванный морозом бред: фамилляр пытался общаться. Как оказалось, мысленные иллюстрации желаемого идеальны для сложных манипуляций.

Джон снова оглянулся на охотников, что теперь ссорились на дороге у подножья холма:

– Неважно как. Ты сделала благое дело. Может, даже спасла чью-то жизнь.

– Капля в море, – печально вздохнула Лайла. – И всё же хоть какое-то искупление...

– Ой, только не хандри, – закатил глаза ассасин. – Давай расскажу тебе забавную историю. Жил на свете несразимый воин с хорошим чувством юмора. Однажды он решил устроить друзьям свадьбу по эльтаронским традициям и для этого скупил все зелёные ковры в столице. Воин планировал сдать их обратно за полцены, но часть торгашей, зажавшихся скотин, сразу сказала, что им пыльное и потоптанное не нужно. И дабы добро не пропадало, велел воин собрать ковры и привезти своему голубоглазому другу. К вечеру. Все сорок пять штук.

– Серьёзно? – усмехнулся Джон.

– Ага. Думал, отосплюсь как раз да оценю вытянутое лицо Алана, когда у него под окном гора тяжёлых рулонов вырастет.

– Сорок пять ковров? – не смогла сдержать улыбки Лайла. – У него столько полов нет.

– Не мои проблемы. Дарёному коню в зубы не смотрят, – заржал ассасин.

– Мне больше интересно, как малой их тягать будет, – криво ухмыльнулась Эрминия. – Если при следующей встрече он захочет пырнуть тебя ножом, я препятствовать не стану.

Во главе с невозмутимым Шойсу изрядно повеселевшая компания въехала на холм. В ушах засвистел ветер, а взору открылся вид на разноцветную мозаику рощ, застилавшую всё до самого горизонта. Дорога спускалась и ныряла прямо в неё. В живое полотно цветущих деревьев. В красивую неизвестность, ныне населённую магическими созданиями.

Глава 5

Ветви глицинии, в простонародье именуемой «королевской сиренью», гладили макушки всадников лиловыми гроздьями: словно виноград, только цветы. Местами они и вовсе занавешивали дорогу – странники едва не пропустили развилку. Свернув направо, в объятия благоухающего ветерка, едущий первым Джон завёл разговор:

– Насколько я понял, если не есть что попало и держать под рукой бутылки с противоядиями, Ардонэйзия не такая и опасная. Крупнее леопарда хищников нет, а он редко нападает на человека. Во всяком случае, так было раньше... – следопыт оглянулся на Лайлу: – Какие ещё сюрпризы нас могут поджидать, кроме двухголовых змей?

– Никого, кто бы целенаправленно охотился на людей. Смотрите, куда наступаете. Держитесь подальше от всего, что кажется странным. Особенно деревьев. А при встрече с существом неспешно уходите, – вампирша перевела взор на Рэкволда. – И не нужно судить об опасности по его размеру. Здесь обитают птички, способные сбить с ног потоком воздуха.

– Угу. Ходить с опущенными глазами. Мочиться в штаны. Расшаркиваться перед каждой букашкой. Ничего не упустил?

– Утрировать необязательно, – кольнула взглядом Лайла.

– Да ладно? А если какая тварина в лагерь забредёт, пока отдыхать будем? Предлагаешь собирать манатки и сваливать?

– Велик шанс, что она удалится, как только ты встанешь. Мелкие создания рядом с высокими чувствуют себя неуверенно.

– Ловлю на слове. Будет наглеть – отправлю на вертел. Пополню запасы провианта.

Лайла с наслаждением понюхала проплывавшую мимо бахрому сиреневых цветов:

– Рэкволд. Никто не ест магических существ. По причине непредсказуемых последствий.

– Первым стану, значит. Ведь до меня ты не слышала про убийц варгов, – гордо выпятил грудь ассасин.

– Тогда рекомендую начать с дриад, – не поддавалась на провокации вампирша. – Если тебя не смутит человекоподобный вид, несомненно, оценишь древесно-травяной вкус.

– Это которые выглядят как прикрытые листвой голые девки? Самое то. Сперва развlechся, а потом съесть. Считай, салатика навернул.

– Фу, Рэкволд. Гадость какая, – Лайлу аж передёрнуло. – Во-первых, у тебя не получится... Нет, я даже это обсуждать не буду, – она подогнала кобылу и поехала рядом с Джоном.

– Знал, что ты оценишь, – с улыбкой до ушей сказал ассасин, а затем поймал внимательный взгляд Эрминии.

– Дружба с Густафом даром не прошла... – та направила взор вперёд, на проложенный сквозь рощу коридор с потолком из цветочных сталактитов.

– Лучший друг молодости. Чем он тебе не угодил? Ты вообще его всего раз видела.

– Мне хватило. Весь день трепался о том, как трахнул дохлую кобылу.

– Эрми, после долгого плавания член стоит рукоятью молотка. Ну, не дошёл немного до борделя. Обкурившись айватосом, и не такое натворить можно.

Лайла подняла лошадь в рысь и поехала первой, подальше от разговора, столь же приятного, как навозная куча.

– У него стебли айватоса в зубах меняются чаще, чем члены во рту шалавы, – бросила северянка.

– Выносливый. Не спорю. Такое качество и увековечить не жалко. Родишь сына – Густафом назовём.

Эрминия посмотрела на Рэксволда так, что чуть не опрокинула вместе с лошастью, однако ничего не сказала – продолжила пялиться на укрытую тенью дорогу.

Шойсу же ехал последним, недоверчиво объезжая свисающие лианы: по его личным наблюдениям, на растениях с цветными верхушками вечно ползало нечто жужжащее, проверять безобидность которого себе дороже. Пусть спутники часто улыбались и вели себя спокойно – это не показатель. В подземельях такие погибали первыми. Всегда.

* * *

По мере углубления в лесадку дорога становилась всё уже. Под копытами множились корни деревьев, а низкие ветви зачастую вынуждали пригибаться. Миновав ещё несколько рощ, странники решили устроить привал. Под сенью крон. У реки. На усыпанной белыми лепестками, тёмной земле. Слушая залиvistое пение птиц, Джон сидел на берегу и изучал карту.

– Сколько дней нам понадобится? – глянув тому через плечо, Лайла примостилась рядом. Следопыт тыкнул в похожее на паутину обозначение:

– Мы сейчас тут, – он повёл пальцем по карте: – Завтра к вечеру Крапчатая Лесадка останется позади. Начнётся Залужье. Потом Перемежище. Затем Топчая Лощина и, наконец, Долина Бабочков. Дней пять-шесть. Если без приключений. Но разве у нас так бывает? – как-то нерадостно усмехнулся Джон. – Ещё можем встрять в Топчей Лощине. Похоже, это болото вдоль всего предгорья.

– А сами горы? – взор вампирши замер на дуге из бугорков.

– Одно название. Пологие.

– Слава небесам. Больше никакого холода.

– С пологостью палка о двух концах. Крепость бы с верхотуры возле перевала высмотреть. Не свезёт – будем долго бродить. Там вся долина – сплошной лес.

– Не будем. Скарги взлетит повыше и укажет направление.

– Хитро. Об этом я как-то не подумал, – следопыт убрал карту и протянул Лайле флягу.

– Благодарю. Уже пила, – она положила голову ему на плечо, глядя, как в солнечном свете искрится река. – До сих пор не могу поверить...

– Ты про свадьбу? Или про то, что мы выжили в Грондэнарке? – Джон вынул пробку из узкого горлышка и сделал пару глотков.

– Одно другого удивительнее. И всё же первое сильнее. Я больше не одинокая странница в чужом мире. Отныне мы по-настоящему вместе. Для меня, как для девушки из светского общества, статус имеет огромное значение. Уж прости, я так воспитана.

– Ты в любом статусе одинаково шикарна. А я... за статусами никогда не гнался.

– Зато теперь получил сполна, – на губах Лайлы проступила заговорщическая улыбка. – Ведь ты не только мой супруг...

– Не понял, – подозрительно уставившись на неё, Джон не глядя закупорил флягу.

– Мне уже не в первый раз говорят, что я единственная законная наследница эльтаронского престола. Королева. В таком случае ты официально принц-консорт и обращаться к тебе следует «королевское высочество».

– Ты это... Не шути так... – нервно усмехнулся следопыт. – Где я, и где высший свет?

– Монси Виррей однажды сказал: «Стреле не долететь до облаков, пока стрелок не взбежёт на гору», – тихий ответ переполняла загадочность.

– Ну-ка посмотри на меня, – Джон мягко приподнял подбородок девушки, поймав проникновенный взор.

Правда, немного погода Лайла не выдержала и рассмеялась:

– Видел бы ты своё лицо...

– То-то же, – следопыт с улыбкой заложил ей за ухо каштановую прядь. – Насочиняла с три короба.

– Отнюдь. Лишь констатировала факты. Я, как и ты, не хочу стоять у истоков власти. Но наши желания не отменяют наших титулов. С точки зрения закона, отсутствие всеобщего признания – временная формальность.

– Хм. Это как разгуливающий на свободе карманник? Не пойман – не вор?

– Не лучшее сравнение. Но да. Суть ты уловил, – вампирша погрузилась в размышления: – Как я и говорила, после расправы над королевской семьёй престол Эльтарона узурпировал деспот, который стремится развязать войну. Верю, рано или поздно найдётся тот, кто свергнет его. Вернёт стране мир и процветание. А если нет... слух обо мне может добавить нам врагов. Глядя на то, что творится вокруг, уже не так сложно поверить в четырёхсотлетнюю престолонаследницу.

Повисла пауза, и вдруг щебетание птиц подвинул голос Рэксволда:

– Вот умеешь ты любой забавный разговор унылостью притопить.

– И давно ты тут подслушиваешь? – Лайла с упрёком обернулась на ассасина, что стоял, подпирая плечом дерево.

– Конечно. Всё интереснее, чем смотреть, как Эрми учит убогого привязывать кобылу и ослаблять подпругу. Ты это... врагов не бойся. Кто захочет обидеть мою сестрёнку, закончит с перерезанной глоткой. Если, конечно, меня Джон не опередит.

– Подлизываешься? – с хитринкой в голосе спросила вампирша.

– Ваше высочество, – саркастически ухмыльнулся Рэксволд, – как вы могли такое подумать? Я себе не изменяю.

– Какой же ты всё-таки... – Лайла вздохнула.

– Непреклонный? – подмигнул тот.

– Непрошибаемый, – по-доброму ответил Джон и поднялся. – Скоро приду.

– Друг за друга фразы заканчиваете? Вот, не зря вас вместе свёл, – кинул ему вслед ассасин.

– Я польщена твоей заботой, – Лайла тоже встала. – И именно поэтому отвечу тебе тем же. Дам совет, – она приблизилась и совсем тихо продолжила: – Сколько бы ты ни видел в Эрми воительницу, она в первую очередь женщина. Не стоит шутить на болезненные темы.

– Это ты к чему? – Рэксволд перевёл взор на северянку, какая положив свою ладонь на ладонь Шойсу, гладила его рукой шею кобылы. – Ясно...

– Нет, – вампирша придержала чёрный локоть, под которым сжался твёрдый, как камень, кулак. – Это неверное решение.

– Разве? Глянь. Она даже улыбнулась ему. Ещё немного, и он начнёт пялиться на её задницу. Побесить меня решила? Так я враз покажу, чего стою.

– Ты смотришь на ситуацию однобоко.

– Ну, давай, просвети меня, – ассасин перевёл на Лайлу тяжёлый взор.

– Ты хочешь, чтобы Эрми стала матерью. А готов ли сам решать проблемы как отец?

– Зачем мне ей что-то доказывать? Она дала слово и на попятную уже не пойдёт.

– Не ей, Рэкволд, – глядя ему в глаза, вампирша тронула ладонью укрытую чёрной броней грудь: – Себе.

Вновь посмотрев на Эрминию и Шойсу, который брезгливо щупал бок кобылы, ассасин пожевал губу.

– Заумная такая. Аж тошно, – проворчал он и направился к ним.

Лайла надеялась, что потушила пожар, а не плеснула масла на тлеющие угли. Однако на всякий случай настроилась разнимать драку.

– Неправильно объясняешь... – приближаясь, бросил Рэкволд. – Волосы, ушастый, это всё волосы. Мои. Эрмино золото. Твоя белобрысость. Грива. И даже эта шерсть, – в его пальцах поочерёдно побывало всё перечисленное. – Волосы.

– Volosiz? – недоверчиво переспросил иномирец.

– Ага. Представь себе... А это чего за помесь удавки и клубка? Кто так повод завязывает? Смотри и учись, салага.

Пристально наблюдая за участливым ассасином, Эрминия лишь задумчиво хмыкнула.

– Я что-то пропустил? – сполоснувший в реке руки Джон, поглядел на довольную вампиршу и три фигуры у привязанных к дереву лошадей.

– Безусловно. Ты пропустил, как Рэкволд вырос в моих глазах.

* * *

Чуть не потеряв Скарги, который заигрался в зарослях с белыми пирамидками цветов, отдохнувшие странники поехали дальше. Дорожка быстро истончилась до тропинки. Потом же и вовсе затерялась в похожей на папоротник траве.

Лайла не переставала дивиться разнообразию ардонэйзийской флоры. Чем глубже в лесадку – тем больше причудливых растений, не ведомых ни глазу, ни носу, хотя в Эльтароне вампирша могла в точности обрисовать окружение, даже не смотря.

И вот взору открылась роща, где темнолистые кроны полнились красно-чёрными серёжками, кора отливала серебром, а ноги лошадей колыхали огромные, похожие на ежей соцветия. В ней и запах витал странный. Сладко-горький с ореховыми нотками. Как оказалось, его источали жёлто-оранжевые плоды редких кустарников. Под весом фруктов ветви пригибались к земле, едва не ломаясь.

– Это про них Алан говорил? – пустив коня шагом, Рэкволд свесился и сорвал один из плодов. – Увесистый.

– Есть не вздумай, – Джон тоже сбавил темп.

– После рассказов про подышающих от него людей, как-то не хочется... – ассасин запустил фрукт в дерево, где тот с сочным шлепком разлетелся на ошметки. – Мякоти много. И аромат прям попёр. Может, его на спирту настаивать надо? Как поговаривал наш кок: «С чем спиртягу ни смешай, всё лекарство получается. Хоть с мёдом, хоть с перцем, хоть с травами». Он в прошлом алхимик. Ерунды не посоветует.

– И как, здоровый был?

– Не особо... – поморщился Рэкволд.

– То-то же.

– Что «то-то же»? Может, у него родители хилые были.

– Сам-то в это веришь? – улыбнулся Джон.

– Неважно... – буркнул ассасин. – Вот о чём я вспомнил! – он вдруг посмотрел на вампиршу: – Лайла, всё спросить хотел. Насколько я понял, кринтэрхи ощущают даже крохи магии. Именно потому ты могла колдовать и раньше. Но теперь мир полон тварей, которые излучают эту самую магию. Тебя же должно разрывать, нет?

– Энергетических потоков стало больше. Отныне доступ к ним не требует высокой концентрации: познавший магию разум без труда распознаёт обилие плетений. Однако есть нюанс. Мне не хватает знаний их использовать.

– А то, что уже умеешь, усилить?

Вампирша помотала головой.

– Я, кажется, понял, – объезжал кустик с плодами Джон. – Это как известные на лютне аккорды пытаться нащупать на арфе. Вроде струн куда больше, а получается лабуда. Нужно подбирать всё заново.

– Удачное сравнение. Осталось увеличить количество струн до тысячи и расположить в виде сложного узора. Приблизительно так я ощущаю магию.

– Как бы ты её ни ощущала, ночная кровососка тобой заинтересовалась. В элиту тебя записала. Раскрыть таланты обещала в своём культе. Только чую я, там с радостью разберут тебя на куски, лишь бы допытаться, каким образом ты сразу на двух стульях усидела. Не связывайся. Что бы она ни обещала.

– Дело говоришь, – поддержал ассасина Джон.

– Уже думала над этим, – переводила взгляд между воинами Лайла. – Злой умысел не исключён. Мои девиантные способности интересны даже Леонардо. Эста бесспорно сильна. Как вампир. Однако ей нечего мне предложить. Шаг в сторону Тьмы отворачивает меня от Света. Я хорошо прочувствовала это в Виверхэле, когда лишилась магии. И так как я не желаю портить отношения с Леонардо, то при следующей нашей встрече ещё раз выражу благодарность за помощь с наёмным убийцей и вежливо откажусь.

– Это если она сама убийцу не подослала, – подала голос Эрминия, – чтобы должницей тебя выставить. В таком случае отказа она не примет. Да и про контры с колдуном явно не зря сболтнула. Тут проблемами за милую несёт. В полулуние тебя никак нельзя одну оставлять. А ещё надо придумать, как сделать так, чтобы культистка вдруг за спиной не выросла в самый неподходящий момент.

– Скверная идея. Она с меня кольцо сняла – я и не заметила. С такими способностями при конфликте, если он к несчастью произойдёт, вы скорее пострадаете, чем поможете.

– Ой, ладно, – махнул ладонью Рэксволд. – Главное всем вместе навалиться. Желтоглазку, какой одним махом полгорода выкашивает, как-то же уложили. Ненадолго, конечно. Но он и не вампир. Что-то посерьёзнее.

– Насколько могу судить по облику мертвеца, укрытому за маской человека, Леонардо – лич. Высшая ступень развития тёмного мага. Почти божество. Как однажды сказал Дельвинус: «Если вурдалак – превосходный меч, то лич – несравненный кузнец и воин в одном лице, держащий вместо молота саму смерть». Отчасти Альянс Света и существовал, чтобы подобные не успели обрести могущество.

– Ну вот. Эста ожить не должна. Я лично её тело на солнце вытащу и пепел по всему королевству разнесу. Чтоб наверняка.

– Ох, хочется верить, что она нас не подслушивает, – Джон поднял взор к просвету между тёмными кронами. – Вдруг недаром кольцо в её руках побывало.

– Да брось ты, – усмехнулся ассасин. – У золота ушей не бывает. И пока не ушли от темы, Лайла, расскажи-ка мне побольше о ли... – слово застыло на языке: впереди, в тенистых зарослях, раздался шорох.

Лошади насторожились. Следом задрожали натянутые поводья. По густой листве забродили внимательные взгляды. Напряжения добавил недобрый рык нефита, что перепорхнул с подласого крупа на укрытое платьем плечо и вытянулся, как охотничья собака при виде добычи. Если у Лайлы и была мысль об отвалившемся переспелом фрукте, то теперь на ладонях засияли огненные руны. Слева звякнул металл – вампирша посмотрела на сомкнутые на руко-

яти меча стальные пальцы. Джон и Рэкволд тоже были готовы выхватить клинки. А Шойсу уже держал у головы направленное для броски копьё.

– Предлагаю не делать преждевременных выводов, – Лайла обвела взглядом выстроившихся воинственным рядом всадников, всего несколько секунд назад ехавших расслабленной цепочкой. – Лес – дом для животных и магических существ.

– Предлагаю не гадать, – Рэкволд свесился к ближайшему кустарнику. Затем же метнул вперёд жёлто-оранжевый плод, что с шелестом и треском пропал в зарослях, которые вдруг охватила лихорадочная дрожь.

Заблестевшие лезвия чуть выдвинутых клинков. Натянутые струной нервы. Похожие на вечность томительные мгновения. И вот из кустов что-то выскочило! Маленькие двуногие создания! Рогатые головёнки с приплюснутыми мордами. Козлиные ножки. Трёхпалые ручки. Ниже пояса курчавилась тёмная шерсть, а выше – блестела коричневая кожа.

– Это ещё что такое... – ассасин наблюдал, как перепуганные существа разбегаются с трещащим бормотанием.

– Сатиры... – облегчённо выдохнула Лайла и улыбнулась: – Не думала, что когда-нибудь увижу их вживую.

– Кряхтят, точно дрова под котелком, – Эрминия проводила последнего, нырнувшего в соседние кусты, задумчивым взглядом.

– Верное наблюдение. В Эльтароне даже загадка прижилась «Чуть выше колена, трещит как полено». Может, слышали? – не найдя понимания на лицах Джона и друзей, Лайла зачем-то посмотрела на Шойсу, что сидел верхом, уперев копьё в землю, и пристально следил за каждым говорящим.

– Кстати о загадках... – серый, словно грозовое небо, взор вернулся к помятой маленькими ножками траве. – Это те самые сатиры, из которых чёрные маги слепили вон ту северную машину?

– Если ты о сатли, то да. Однако не стоит забывать, что в слиянии также участвовали тролли. Самые крупные из них способны достать рукой до еловой верхушки.

Следопыт демонстративно закашлялся в кулак.

– Согласна. Впечатляет. Но только размерами, – Лайла выслала кобылу вперёд, и все неспешно поехали навстречу зарослям. – Тролли хоть и агрессивны, неопасны из-за медлительности. Подобно сатирам, они питаются в основном растительной пищей. Охота на зверей – исключение в период поиска пары, где мясо преподносится в качестве дара. Более того, на солнечном свете тролли обращаются в камень. Сатли же впитал сильные стороны обоих видов и насаждённую тёмными магами утрированную кровожадность, – в глазах вампириши мелькнула едва различимая грусть. – К счастью людей, способность размножаться естественным путём создания Тьмы не унаследовали. Иначе бы мир был полон гибридов, безумных поделок нечестивых творцов.

– Получается, всё, что сейчас есть: вампиры, сатли, хельграсы там всякие – это остатки былого «великолепия», или желтоглазка вернул с того света и существ Тьмы?

– Если только своих. Мне кажется, Леонардо слишком самовлюблён, чтобы тратить усилия на результаты чужих экспериментов. Это бы объяснило, почему, при его презрении к вампирам, я до сих пор жива. Даже несмотря на порой дерзновенные речи.

– Не худший вариант, – усмехнулся Джон. – С его мощью, лучше уж слыть любимицей, чем затесаться во врагах.

– Именно поэтому отношения с Эстой должны остаться в статусе нейтралитета, – Лайла глядела куда-то вдаль, поверх многочисленных кустов. – До срединной луны ещё далеко. Уверена, я подберу правильные слова.

Груды лошадей рассекли густую листву, и странники въехали в новую рощу, сплошь облюбованную кустарниками, что щекотали сапоги тонкими ветвями.

* * *

Оазис Хальшахет – зелёная жемчужина Аль Херона, где над приземистыми деревьями и глиняными домами высился роскошный дворец одного из самых богатейших жителей пустыни – султана Каргиба Ваала. Вот уже семь веков династия Ваалов господствовала над раскалёнными песками и их обитателями. Когда-то фундаментом власти выступали кочевые войска, позже – круг верных визирей и признание народа. С молодых лет и до серебристой седины Каргиб правил жёстко, но справедливо. Как говорил он сам: «Песок – податлив. Стекло – хрупко. Будешь предан – оно сбережёт твой дом от бурь, станешь недругом – устелит путь осколками». Однако, сколько бы мудрости ни сыпалось из уст султана, сегодняшний рассвет перевернул его представление о величии.

На окровавленном песке блестели поломанные хопеши. Рядом – изуродованные тела стражников. Выдавленные изнутри глаза. Забитые кишками, разинутые рты. Изогнутые, как пустынная колючка, конечности, только вместо шипов белели сломы костей. По бежевым стенам с разноцветной мозаикой стекали багровые струйки, а в некогда восхитительных воротах зияла огромная дыра, усеявшая округу множеством щепок.

В самом дворце стояла мёртвая тишина. Всякий, кто рискнул обнажить оружие, разделил судьбу бедолаг снаружи. Всеми виной незваная гостья, что явилась по душу султана с первой искрой зари.

«Сад Золотого Песка» тоже был осквернён трупами. Заглянувший в него рассвет застал лишь четыре бившихся сердца. Три – бешено стучавших. Одно – пугающе спокойное: как море перед штормом.

Хризальтера покачивалась на сотканных из теней качелях. Они держались на двух парах свисающих с дерева ног. Сверху, на толстой ветке, лицом друг к другу сидели две смуглые девушки. Плачущие и совершенно голые. Каждое движение снизу истирало промежности и бёдра о грубую кору – на плечи демонессы одна за другой падали алые капли.

– Молю, не истязай моих дочерей. Я дам тебе всё, что пожелаешь, – ползал в ногах у Хризальтеры перепуганный султан. – И пять тысяч несразимых воинов, и караван с драгоценностями, настолько длинный, что, проходя мимо, сможет усладить твой взор часами.

– Всё? – разглядывала свои когти демонесса. – Тогда дай мне ответ на вопрос. Если здесь кому-то суждено умереть, кто это будет? – она возвела взор к сидевшим наверху девушкам. – Сделай выбор.

– Молю. Они первые и последние цветы на моей бесплодной почве...

– Выбор! – рявкнула Хризальтера, и по стенам внутреннего двора поползли тени. – Порадуй меня ценной душой, – её свирепый взгляд упал на взъерошенную седину. – Или погибнут обе.

Прижимая к груди пыльный тюрбан, султан поднял потное лицо – по седой бороде показались мутные капли.

– Я... Это буду я... – его голос вобрал решимость. – Избранник небес, победивший сухую погибель сотней разбросанных по пустыне колодцев. Я отнял у смерти слишком много. Настало время заплатить. Не смотри на преклонные годы: чем белее голова правителя, тем больше костей хранят пески. Я плёл ковёр Изобилия из казней и милосердия. Вот этими руками, – Каргиб обратил к демонессе морщинистые ладони. – Ты оборвёшь ценную жизнь. Жизнь вершителя судеб.

– Красивая речь... – прекратив покачиваться, холодно изрекла Хризальтера. – Однако, ввиду возможной полезности, твоя жизнь вне чаши весов. А я сегодня не в настроении. Мне нужна жертва. Жертва, которая поразит тебя в самое сердце и безвозвратно изувечит твою душу.

– Тогда, всеильная демоница, у тебя уже есть жертва, – робко глядя в лиловые глаза с горизонтальными зрачками, мял тюрбан Каргиб. – То, чем я, великий правитель, обладал почти полвека, теперь в твоих руках.

Остроконечный хвост выскочил из-за спины, словно кобра, и замер в дюйме от смуглого лица. Затем нежно коснулся дрожащих губ. Осторожно сполз на тюрбан, неторопливо опутал его и стянул кольцами, точно змея.

– Что же это? – тень наклонившейся вперёд Хризальтеры окрасила светлые одежды султана в серый цвет.

– Моя гордость, – вновь опустившись на четвереньки, Каргиб поцеловал тёмное копыто. – Что способно принести мне большую боль, чем услужение жестокой госпоже, гибель невинных и разрушение собственной империи? Позволь мне влачить жалкое существование в шкуре предателя ради тех, в чьих глазах я паду ниже колодезной глади.

– Какой редкий талант, – задумчиво тронула свои губы демонесса. – Твой язык умеет доставить девушке удовольствие без прикосновений... – она водрузила копыта на согнутую спину, посмотрела на златоликое солнце и наконец улыбнулась. – Будет чудесно, если пустыня упомянет ещё одну поговорку: мудрый отец – живые дочери.

Глава 6

Оставив за спинами море кустов, странники въехали в новую рощу. Редкая трава. Облепленные странными буграми стволы деревьев. И пышные кроны с сотнями ярко-зелёных ягод. То ли непонятные плоды, то ли ослабевшее благоухание цветов стали причиной скопления множества мошек. Они, как оказалось, были не против полакомиться кровью внезапных гостей. Пришлось спешно доставать пузырёк с эфирным маслом гвоздики. Брызгать на себя и лошадей. Частично помогло. Рой всё так же вился рядом, но уже без попыток укусить. А вот в глаза и рот мошкара попадала с завидным постоянством.

– Как, Лайла, – Рэксволд сплюнул очередное насекомое, – лес всё ещё дом для живности или уже хочешь спалить этот гадюшник?

– Дом, – не слишком размыкая губы, ответила вампирша. – Притом гостеприимный. Нам здесь искренне рады. Уделяют много внимания. Жаль, только манеры отвратительные, – она поглядела на клочок неба, усыпанный подвижной чёрной крапункой. – Признаюсь, после Виверхэля и Грондэнарка я отвыкла от назойливого жужжания.

– Зато греют душу эти хлопки, – ассасин обернулся на Шойсу, что стёр с ладони размазанную точку и снова шлёпнул себя по оголённому боку. – Век бы слушал...

– Нельзя быть таким злорадой... – не без улыбки сказал Джон.

– Угу. Ты придумал уже, где якорь кинем? Желательно так, чтоб мне не пришлось всю ночь варгов кромсать.

– Возле Уткастой Изводи деревушка одна есть. Надплесье. Думаю, пустят в сарай. Время сейчас сложное. Вряд ли кому-то деньги не нужны, – следопыт сдул кружившую перед лицом мошку. – А по заре поедем дальше.

– И сколько у тебя таких деревушек припасено?

– До Топчей Лощины хватит. А там уж закуток какой найдём в горах. Чтоб незамеченным никто не подобрался.

– Это, если местные твари исчезать не умеют, – стальные пальцы сжали повод до болезненного жжения. – А то хоть все глаза в дозоре просмотрит...

– Я знаю всех магических существ восточного континента. Заверяю тебя, что невидимостью никто из них не обладает, – слыша нарастающее жужжание, Лайла помахала ладонью около уха. – Хотя мастеров маскировки достаточно. Дозор понесём мы со Скарги, – вампирша опустила взор к луке седла, где красной статуэткой восседал мефит. – Так безопаснее.

– Лихо ты сейчас всех нас приложила... – возмутился Рэксволд.

– В горных массивах Ардонэйзии водятся горгонаки. Крупные ящерицеобразные пауки. Подобно своим меньшим собратьям, они почти бесшумны и умеют лазить по отвесным стенам, только взгляд им в глаза на расстоянии меньше вытянутой руки вызывает оцепенение. Даже закричать не успеешь. Горгонаки охотятся ночью и исключительно на малоподвижные цели. Если тебе хочется проверить свою удачливость и взять на себя ответственность за жизни всего отряда, милости прошу.

– Вот прям без ножа режешь... – проворчал ассасин.

– Человек выжил в мире магии лишь благодаря чарам. И я сейчас не о боевых заклинаниях. Чары Воздуха и Земли были незаменимы в строительстве, Воды и Природы – в земледелии и скотоводстве. Тот же Огонь помогал в кулинарном и гончарном ремесле. А уж алхимия сочетала в себе множество вкраплений. Пока баланс нарушен, человечество уязвимо. Равновесие восстановится, когда примитивной бытовой магией будет владеть каждый третий, а самые искусные мастера окажутся на службе Короны. Так возродится «Альянс Света» и всё станет как раньше.

– Каждый третий? – поднял бровь следопыт. – Помнится, ты рассказывала, что королевские маги изымали магические книжки и убивали свободных заклинателей...

– Только если они пытались пересечь разрешённую черту. Разжечь костёр взглядом или подмести комнату одним движением пальца – никогда не взбранилось. Для этого не нужна магическая литература. Как правило, такие знания передавались из поколения в поколение. А вот подпольные расчёты, чтобы достичь большего, – повод для казни. Ведь способный метать огненные шары или сдвигать воздушными потоками валуны уже представлял угрозу для общества. Потому все ремесленники-заклинатели приравнивались к боевым единицам «Колдовского круга» и не имели права плести сложные чары без официальных документов.

– Сдаётся мне, за заветное разрешение нужно было в лепёшку расшибиться, – поглядел на вампиришу Джон.

– Или в карман кому надо отстегнуть, – с усмешкой подкинул догадку Рэксволд.

– Не думаю, что золото бы помогло завоевать расположение, – Лайла снова отмахнулась от надоедливой мошки. – Выдававшие разрешения несли ответственность за каждую поставленную подпись. Проще отказать человеку с сомнительной репутацией, чем потом держать ответ перед «Колдовским кругом», а то и «Коронным трибуналом». Однако совсем не выдавать разрешения они не имели права: закон устанавливал ежегодные лимиты. Добавь к этому строгую ответственность за попытку подкупа и солидные жалования служащих Короне. Мой отец построил королевство, где звон золотых не становился ключом для любых врат. Каким путём история пойдёт теперь, ведают лишь небеса.

– Вроде складно звучит, – прикинул Джон. – Даже справедливо. Чего тогда Леонардо взъялся на «Альянс Света»?

– Он считает, что общество, в котором каждый вооружён магией, снизит количество скверных инцидентов и сможет само подавлять их. В том есть зерно истины. Известен случай, когда маг-строитель, не сторонник увеселительных напитков, после похорон матери утопил горе в вине и пошёл скитаться по городу. Сперва проклинал богов, а потом решил обрушить свод храма. Прямо во время утренней молитвы. Как только концентрации хватило... – покачала головой Лайла. – Невзирая на трещины и падающую пыль, не все успели выбежать на улицу. Упавшие глыбы унесли жизни восьмерых. Если бы тогда внутри находился хоть один умело владеющий чарами Воздуха, жертв можно было бы избежать. А пошёл бы маг целенаправленно убивать людей – погибло бы ещё больше прежде, чем подспела бы колдовская стража. К сожалению, этот случай не единственный. Обычный человек бессилён против преступившего закон заклинателя. Даже подготовленный отряд с зачарованными луками и бронёй рискует понести потери. Боевого мага же и такой не остановит.

– Ясное дело, – Джон направил Бамбука к пестревшей цветами прогалине. – С оружием всегда двойко выходит. Но лично мне привычнее ходить с клинком под боком, чем с клинком в боку. Как показывает солдатская практика, обиженный первым опустошает ножны. Если защищающийся с голыми руками, велики шансы потерять одного из бойцов. А так, пока кружатся с мечами, есть хоть время скрутить да образумить. Уж офицеры знают в этом толк... Свары сварями, а желание бросаться на своих отобьют раз и навсегда, – следопыт обернулся к спутникам: – Кстати, заметили? Мошкара наконец отстала.

– И правда... – огляделась Лайла. – Словно и не было, – она вдохнула полной грудью неожиданно знакомый аромат: – Фиалки... Неужели их отпугивает запах живых цветов?

– Или кто-то потревожил их до нас... – Джон смотрел куда-то в траву.

– Что там? – спросил едущий третьим Рэксволд.

– Попытка природы нащупать новый баланс.

Вскоре каждый из всадников мог видеть лысоватый пяточок, где различался след крупной кошки, курчавый клочок шерсти и пятно крови, вокруг которого лежали мёртвые слизи. Битва за первенство постучалась во все двери. Всякое живое существо, будь его крышей хоть глиняная черепица, хоть лесная сень, ощущало, как рушится выстроенный четырьмя столетиями уклад. Некоторые – совсем недолго. В следующей роще обнаружилось обглоданное тельце с пожёванной головой и вытекшим глазом. Сатир проводил странников немигающим взглядом уцелевшего и продолжил собирать мух в россыпи фиалок.

Воинов жертва леопарда не тронула. Душу Лайлы же забросала комьями сожаления. Существа с животными убивали друг друга и раньше. Так задумано природой. А вот столкнуть лбами устоявшиеся популяции с возрождёнными – преступление. Более жестокое, чем хладнокровная казнь нескольких тысяч варваров или истребление сотен магических созданий во имя спасения дочери. Столько боли. Столько смертей. Ради эгоистки, что пока не оправдала ничьих надежд: королевой не стала, гексаграмму не сберегла... Но придёт черёд искупления. Для начала под руководством Дельвинуса и с поддержкой Леонардо можно будет избавить мир от похотливого демона.

Лайла не ведала, что один из её союзников гнил в руинах крепости, другой – покоился на морском дне. И что за Хризальтерой стояла сила в разы превосходящая некогда великую мощь «Альянса Света». Скованный из чаяний щит ещё не успела изъесть ржавчина безысходности...

* * *

Ближе к вечеру деревья расступились – перед взорами предстала широкая заводь. К ней всадников вывела какофония криков, напоминавших не то кабанье ворчание, не то потревоженный курятник. Их издавала бродившая по мелководью стая крупных птиц. Розовое оперение. Длинные, похожие на шести ноги. Продолговатые зигзаги шей и будто надломанные бело-чёрные клювы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.